

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

НАШ ЧЕЛОВЕК
СРЕДИ АНГЕЛОВ!

ПАВЕЛ КОМАРНИЦКИЙ
ДЕНЬ АНГЕЛА

День ангела

Павел Комарницкий

День ангела

«Автор»

2010

Комарницкий П. С.

День ангела / П. С. Комарницкий — «Автор», 2010 — (День ангела)

Обыкновенный молодой человек, рядовой автомеханик ничем не примечательной конторы Роман Беясов больше всего на свете любил рыбалку и никогда не задумывался над бесполезным вопросом: в чем смысл жизни? Тем более он не верил в нелепые средневековые выдумки про ангелов... Но в жизни, как известно, иногда происходит даже то, чего быть никогда не может, и однажды Роману на своем опыте приходится убедиться – ангелы вовсе не миф, равно как и смысл жизни...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Павел Комарницкий

День ангела

Глава 1

Гнездо кукушки

– По этой дороге и танк не пройдёт!

«УАЗ» немилосердно трясло на ухабах. Эдик вцепился в руль мёртвой хваткой, резкими рывками парируя попытки машины завалиться то в правую, то в левую колею, и всем своим видом изображал гонщика ралли «Париж-Дакар».

Мы возвращались с рыбалки. Селигер – настоящий рай для туристов и рыболовов. Трудно даже представить, что на исходе XX века в центре Европы, в каких-то двух с половиной часах езды от Москвы, могут быть такие девственные, практически нетронутые человеком места. Только разбитая лесовозная трасса с глубокими, кое-где наполненными водой колеями соединяла эти дикие дебри с цивилизацией.

Рядом с Эдиком, оперевшись ногами в пол, мотается Илья – невысокий чернявый крепыш тридцати с небольшим лет. Илья работает инженером-электронщиком в какой-то фирме, но главное занятие и конечная цель его жизни – рыбалка. Во всех видах – зимняя, летняя, с лодки и с берега, на удочку, спиннинг, самодур, сетью и даже острогой. Илья утверждает, что однажды, будучи в Астрахани, добыл острогой осетра на двести пятьдесят килограммов. Кто знает, может и не врёт? Во всяком случае, Илья способен извлечь вполне приличный улов даже из лужи с головастиками.

Мы с Михалычем трясёмся на заднем сиденье. За спиной у нас перекатываются наши снасти и улов в оцинкованных бачках с плотно притороченными крышками, закреплёнными на баке специальными обечайками, снабжёнными замком-защёлкой. Михалыч специально раздобыл у себя на службе.

Семён Михалыч Подвойский – личность колоритная. Михалычу уже за пятьдесят. Внешность у него – ни дать ни взять Кошей Бессмертный. И работа под стать облику – Михалыч работает патологоанатомом в морге. (Впрочем, Михалыч никогда не называет свою работу работой – только «службой», и никак иначе). Но зловещий облик Михалыча – сплошной обман, в жизни это добрейшей души человек, отец и дед. Единственный известный мне недостаток Михалыча, это его ревность к Илье, ревность профессионала к настоящему мастеру.

Два остальных члена «экипажа нашей славной боевой машины» – её владелец Эдик Полуянов, фармацевт-провизор, белобрысый веснушчатый парень «тридцати неполных лет», и я, Роман Белясов, ничем не выдающийся двадцатипятилетний механик в обыкновенном гараже рядовой конторы.

При таком различии в возрасте, профессиях и характерах наш экипаж вот уже добрых пять лет сохраняет полную стабильность. Нас объединяет страсть к рыбалке.

Обычно места для рыбалки выбирает Илья, и мы с ним не спорим. В нашем экипаже должности и звания давно распределены. Илья – профессор-эксперт, Михалыч – доцент-ассистент. Мы с Эдиком – студенты-практиканты, люди без особой пользы делу. Но, по мнению наших мэтров, подающие надежды. Как говорит Михалыч – «начинать никогда не рано» (правда, говорит он это совсем по другому поводу).

В этот тёплый июньский вечер мы возвращались уже затемно – хороший был клёв, не оторваться. На полнеба раскинулся бледнеющий золотистый закат, предвещающий на завтра

отличную погоду. Июньские ночи на Селигере светлые, и Эдик не включал фары: всё равно встречных машин в такой глуши нет, без фар видно дальше.

УАЗ наконец-то вырвался из тисков разбитой колеи на простор, и Эдик, рывком переключив передачу, дал газ. Внезапно что-то огромное, светлое мелькнуло перед капотом. Раздался сильный удар, машину заметно тряхнуло, и Эдик, выругавшись, резко затормозил. Вспыхнули фары.

Мы выскочили из машины и замерли. В свете фар на земле лежала девочка лет девяти-десяти, совершенно голая. Она лежала на какой-то небрежно расстеленной на земле белой тряпке – не то плащ-палатке, не то портъере.

Первым из столбняка вышел Эдик. Судорожно всхлипнув, он нетвёрдым шагом, как сомнамбула, двинулся к лежащей девочке. Ещё секунда – и мы все кинулись к жертве ДТП.

– Жива?! Господи, откуда она взялась?!

Михалыч опытными руками стремительно ощупал голову ребёнка. Девочка застонала и слегка дёрнула ногой. Тогда Михалыч осторожно попытался поднять её – и мы снова остолбенели, только сейчас разглядев толком.

Девочка была необычайно, невиданно красива. Тонкое тело поражало какой-то законченной гармоничностью и изяществом. Длинные стройные ноги, тонкие руки с хрупкими пальцами узкой кисти, длинная шея – такие раньше называли «лебединая», гибкая как стебелёк талия, гладкая нежная бело-розовая кожа. Вот только весь бок и живот медленно наливались чернотой – громадный кровоподтёк от удара. Коротко подстриженные, светло-золотистые волосы кудрявились мелкими кольцами. На кукольно-детском личике с острым подбородком, изящным носиком и небольшими, нежно-розовыми губами выделялись глаза – громадные, лазурно-синие, обрамлённые длинными густыми ресницами, они занимали чуть ли не половину лица. Сейчас глаза были затуманены болью и медленно закатывались – она, очевидно, теряла сознание. На шее девочки в свете фар переливались, искрились дешёвенькие хрустальные бусы, короткие, плотно обхватывающие шею.

Но не это было самое главное. То, что мы вначале приняли за какую-то нелепую плащ-палатку, ей не являлось. На спине девочки, прямо между лопаток, располагались огромные крылья, чем-то похожие на лебединые, с переливчато-радужными перьями, цвет которых определить было невозможно. По крыльям беспорядочно пробегали широкие волны радужного сияния – вспышки пурпурного и багряного, золотисто-зеленого и ярко-голубого – накатывались волна на волну. Впрочем, это продолжалось лишь несколько секунд. Глаза девочки закатились, и сияние мгновенно померкло – крылья стали белыми, и само тело как будто потемнело.

– Чего рты раззявили?! Палатку, быстро!! – рявкнул вдруг Михалыч неслышанным ещё голосом.

Мы будто очнулись. Действительно, крылья там или не крылья – ребёнок погибает! Почему-то я в тот момент подумал именно так, мысль о том, что пострадавшее существо, собственно, человеком не является, даже не пришла в голову.

Мы втроём мгновенно раскатали нашу выдавшую виды палатку и с помощью Михалыча осторожно переложили пострадавшую на брезент. Тело девочки было шелковистым, сухим, недетски упругим и неожиданно горячим. С крыльями пришлось повозиться. Громадные, они всё время раскрывались, как веер, и вообще были неестественными, не такими – ни у одной птицы ничего похожего я не видел – и лишь с помощью Михалыча нам удалось их сложить. Движениями опытного костоправа он ощупал косточки, таившиеся под перьевым покровом, потом вдруг подвернул длиннейшие маховые перья под крыло, и сразу всё получилось. Крылья легли на спину девочки так ладно, что оставалось только удивляться, почему это у нас таких крыльев нет.

– Ты, Михалыч, будто всю жизнь ангелам крылья складывал... – прохрипел Илья.

Слово, уже давно настойчиво царапавшееся в подсознании, было произнесено. Ангел! Мы сбили машиной ангела. Охренеть можно! И потом, разве бывают ангелы женского рода?

Однако раздумья следовало отложить на потом. Девочку-ангела, аккуратно спеленутую палаткой, мы осторожно уложили на заднее сиденье. Михалыч разместился возле неё на полу, молча указав мне место сзади. Места сзади не было, всё забито. Подскочил Эдик, молча откинул задний борт, и ценные бачки с нашим уловом загремели, покатались по земле.

– Садись, живо!

На этот раз Эдик превзошёл себя. Дорога если и улучшилась, то не намного, но УАЗ почти не кидало на ухабах. Наконец мы вышли на ровную просёлочную грунтовку, и машина полетела, как птица.

Рёв мотора и невероятность, нереальность происшествия отбили у всех желание говорить. Михалыч придерживал пострадавшую. Эдик, зачем-то пригнувшись, вцепился в руль мёртвой хваткой, и в зеркало заднего вида я видел его дикие глаза. Такие же глаза были и у Ильи, который поминутно оглядывался. Думаю, что и у меня выражение было не лучше.

Однако, что же делать? Куда теперь? В больницу? В какую?

– Эдик, давай в Осташков, тут ближе будет, – сквозь рёв мотора прокричал Михалыч.

– Домой... – вдруг внятно сказала девочка-ангел. Голос был неожиданно глубоким, совсем не детским.

– Что?! – ошарашено спросили мы с Михалычем разом.

– Назад... Домой... – вновь внятно произнесла девочка. Она очнулась и широко открыла глаза, наполнившиеся ярко-синим сиянием. Губки девочки кривились – ей, очевидно, было больно.

– Девочка, тебе надо в больницу, – растерянно пробормотал я.

– Дурак... Нельзя... Назад! – девочка перевела взгляд на меня, взглянула мне прямо в глаза, и у меня в голове вдруг всё закружилось. И я вдруг понял – она права. Никаких больниц! Домой!

– Эдик, останови, – в ту же секунду сказал и Михалыч.

Эдик плавно затормозил и зачем-то заглушил мотор. Теперь все мы растерянно смотрели на нашу невольную пассажирку. Но она уже вновь закрыла глаза, и лишь веки с длинными, густыми золотистыми ресницами чуть трепетали.

– Поворачивай... Дорогу я покажу... – еле слышно прошептала она.

Мы переглянулись. Эдик неуверенно потянулся к ключу зажигания.

– Поворачивай, Эдуард. Мы действительно дураки. Нельзя ей в больницу, – сказал Михалыч.

– Да вы что! А если она помрёт?! – Эдик ещё пытался возражать.

– Она сказала – назад. Ей виднее.

– Это же ребёнок!

– Эдик, очнись! Какой ребёнок! Это инопланетянка, и там у них космический корабль! – неожиданно встрял Илья.

Ай да маэстро! Сказанул так сказанул!

– Или портал перехода в Царство Божие! – ляпнул вдруг я. И откуда что берётся?

Мои слова добили несчастного Эдика. Судорожно всхлипнув, он завёл мотор, молча развернул УАЗ и снова погнал его по пустынной дороге.

Я вновь посмотрел на нашу пострадавшую. Из-под палатки торчали босые, чуть запylённые маленькие ступни. Детские ступни. Только вот пальцы... Длинные, заметно длиннее нормальных человеческих, и большой палец чуть отставлен. Наверное, подумал вдруг я, такими пальцами очень удобно хвататься за ветки.

Чушь! Разве ангелы сидят на ветках? Это же не вороны! А что мы вообще знаем о них?

Почему-то пальчики эти добили меня. Смешно – крылья нет, а пальчики да.

Пару минут мы ехали в полном молчании. Машина вновь нырнула в лес, начались ухабы. Эдик сбавил ход.

– Сейчас направо... – не открывая глаз, вновь отчётливо произнесла девочка.

Действительно, лесную дорогу пересекал совсем уже незаметный, полужаросший путь. Эдик послушно повернул направо, в открывшийся просвет. Эта дорога была очень узкой, двоим уж точно не разъехаться, зато здесь не было колдобин – путь был едва накатан. Под колёсами трещал валежник, по днищу скребли молодые деревца. Ещё год-другой, и здесь не проехать даже на грузовике.

– Налево... – вновь скомандовала наша невероятная пассажирка, по-прежнему не открывая глаз. Как она видит?

Эдик вновь послушно свернул, но через десяток метров вдруг сбавил ход и остановился. Дорогу впереди перегораживало здоровенное поваленное дерево, толщиной в два обхвата, если не больше.

Девочка вновь открыла глаза, закусила нижнюю губку и страдальчески выгнула брови, её личико заблестело от пота. «Наверное, ей очень больно» – сочувственно успел подумать я, и тут же мысль вылетела у меня из головы. Громадное дерево шевельнулось, заскрежетало и вдруг стремительно-плавно взлетело, встав на своё место.

– Шлагбаум... – потрясённо выдохнул Илья.

– Скорее... – с мукой выдохнула девочка.

Эдик торопливо, с хрустом врубил передачу, и машина нырнула в просвет. Сзади заскрежетало, тяжело ухнуло – шлагбаум закрыт, путь назад отрезан.

Деревья между тем сомкнулись над головой, и мы ехали как в тоннеле. Впереди в свете фар на дороге заблестела вода. Огромная лужа перекрывала нам путь. Пожалуй, тут не пройдёт и трёхосный «Урал».

– Не останавливайся... – вновь проговорила наша пассажирка.

Ей явно стало хуже. Лицо стало иссиня-белым, почти прозрачным, губы побелели, почти не выделяясь на фоне лица. И только огромные, теперь почти фиолетовые глаза ещё жили на этом вконец измученном лице.

УАЗ проскочил лужу, как по асфальту, под тонким слоем воды (или не воды?) оказалась твёрдая гладкая поверхность. Дальше дорога была чистая, покрытая ровной плотной травой, как английский газон. Эдик дал газ, но разогнаться толком не успел.

Машина вдруг остановилась. Я впился глазами в световой конус, очерченный фарами в чаще леса, невольно ожидая увидеть что-то невероятное – скажем, космический корабль.

В свете фар виднелись могучие дубовые ворота, почерневшие от времени, с коваными позеленевшими петлями (бронзовые, что ли?). Справа и слева в чащу леса уходил частокол, виденный мной ранее лишь в кино про древнюю Русь – брёвна метров семь высотой, с круто заострёнными вершинами.

Девочка вновь выгнула брови, напрягаясь – было видно, что она удерживается от беспомощности на последнем пределе сил.

Ворота дрогнули, медленно и бесшумно распахнулись, и Эдик, уже не дожидаясь команды – начал понемногу привыкать – въехал внутрь.

Нашему взору открылся довольно обширный двор, поросший травой и окружённый раскидистыми кучами каких-то деревьев справа и спереди. Под сенью деревьев прятались какие-то приземистые строения. Слева же возвышался настоящий терем, сложенный из неохватных брёвен, на серо-гранитном фундаменте, с замшелыми плахами тёсаной (или тесовой?) крыши, резными наличниками высоких стрельчатых окон, забранных странными решётчатыми переплётами. В терем вело высокое и широкое крыльцо, прикрытое сверху изящным резным козырьком-навесом.

С этим заброшенно-древнерусским пейзажем в разительном контрасте находилась дверь, ведущая в терем. В древние, потемневшие от времени брёвна был врезан круглый люк, диаметром немногим больше метра, из сверкающего зелёного металла, покрытого каким-то затейливым узором. Выше и ниже люка угадывались вставки из более светлого дерева, закрывающие некогда существовавший дверной проём.

Впрочем, времени для осмотра местных достопримечательностей у нас не было.

– Вы слышите меня? Что нам делать? – наклонившись к лицу девочки, спросил Михалыч, почему-то обращаясь на «вы».

Девочка опять выгнула бровки – я уже понял, что так отражаются на её лице какие-то волевые усилия, при помощи которых она совершает некие действия. Телепатия, телекинез или что там ещё?

Люк дрогнул и бесшумно исчез, как и не было. Неяркий голубовато-белый свет изливался из отверстия, размытые блики загуляли по двору.

– Туда... – прошептала девочка. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять – она умирает. И там, в голубоватом отверстии люка, её спасение.

Мы с Ильёй буквально выскочили из машины, вытащили пострадавшую – Михалыч помогал из машины – и рысью взбежали на крыльцо. Илья с ходу, согнувшись, нырнул в люк, я последовал его примеру, пребольно ударившись макушкой и споткнувшись о высокий порог (или что там у люка – комингс, что ли?)

Внутри квадратной просторной – восемь на восемь, не меньше – комнаты был разлит неяркий жемчужно-белый свет, струившийся с матово-белого потолка. Стены сохранили свою бревенчатую первозданность, вот только в стены эти были врезаны точно такие же люки, что и на входе, только открытые. В каждой стене было по два люка, ещё четыре находились на потолке и четыре на полу, попарно в углах, один над другим. Нечеловеческая планировка, мелькнула в голове лихорадочная мысль, таких совсем уже больных архитекторов не бывает в принципе... Но разглядывать было некогда.

– Туда... – ещё раз прошептала девочка. И мы вдруг сразу поняли – куда. Нырнув в люк, мы оказались в комнате чуть поменьше, всю середину которой занимали три странных предмета, больше всего напоминающих саркофаги египетских фараонов. Или гигантские мыльницы, разъятые на две половинки. Половинки эти неподвижно парили в воздухе без всякой видимой опоры, метрах в полутора одна над другой. «Саркофаги» имели в длину метра три с половиной, в ширину метра полтора и были блестящими, переливчато-зеленоватыми. Где-то на краю сознания у меня мелькнула неуместная сейчас мысль – как сюда затащили эти бандуры, при таком узком люке?

– Что дальше? – спросил Илья, но ответа не было. Голова девочки безвольно свесилась на бок, глаза были закрыты.

Мы в смятении переглянулись. Терять нельзя было ни секунды.

– Давай! – вдруг решил я. Илья понял без слов. Мы на вытянутых руках осторожно положили девочку в углубление крайнего «саркофага», как в ванну, и хотели уже распеленать её (она же была запеленута в нашу палатку), но вдруг «саркофаг» издал резкий, длинный свист, и нас отбросило, как ударом тока. Тело девочки плавно поднялось в воздух, повисло секунд на пять и медленно развернулось на 180 градусов – так поворачивается стрелка самодельного компаса, изготовленного из намагниченной иглы, воткнутой в пробку и пущенной в миску с водой. Наверное, мы положили её головой не туда, догадался я.

«Саркофаг» вновь издал длинный свист, крышка мягко опустилась на продолжавшую висеть в воздухе девочку. Через пару секунд раздался странный скрипящий звук, затем крышка чуть приподнялась – на ладонь, не больше. Вновь раздался свисток – на этот раз короткий – и из щели между половинками «саркофага» выпорхнули, как осенние листья, какие-то лоскутки. Короткий свисток, и половинки вновь плотно сомкнулись.

Я поднял один из разлетевшихся лоскутков – это был аккуратный, почти правильный квадратик брезента. Наша палатка, сообразил я.

– Смотри! – вдруг крикнул Илья, показывая на люк.

Я успел только скосить глаза. На пороге стояла странная призрачная фигура, будто марево над асфальтом в жаркий летний полдень. Более никаких движений я сделать не успел. В глазах у меня помутилось, мир стремительно сошёлся в точку, и наступила тьма...

* * *

Я очнулся от мелодичных, позвякивающих звуков. В голове ощущалась неприятная тяжесть, как после похмелья или угара, но она быстро проходила. Ноздри чуть щекотал лёгкий, ни с чем не сравнимый аромат, сложная смесь запахов летнего луга, эфира и озона. Где я? В больнице?

Стараясь не делать резких движений, я осторожно, медленно приоткрыл глаза и осмотрелся. Я лежал в какой-то здоровенной ванне, с упругим и тёплым дном. Надо мной висела другая ванна, перевёрнутая вверх ногами. Дно этой перевёрнутой «ванны» было покрыто какими-то шевелящимися отростками, медленно втягивающимися в дно, как в воду. За пределами этой штуковины, по краям моего поля зрения сиял жемчужно-белым светом потолок. Руки и ноги мои были привязаны к «ложу» за щиколотки и запястья, голову мягко придерживали какие-то щупальца, неприятно щекотавшие лоб. Что-то ещё ощущалось в области локтевого сгиба – может, капельница? Выходит, точно больница. Но почему меня сунули в ванну? И что это за такое надо мной – таких аппаратов в наших коновальных я ещё не видел.

В поле зрения справа и слева возникли сосредоточенные детские личики. Откуда дети?

Дети между тем заулыбались, перекинулись быстрыми взглядами, и стоявший слева ребёнок – вроде девочка – произнёс:

– Вставай, уважаемый. Хватит лежать, всё с тобой в порядке.

Никогда бы не подумал, что девочки могут говорить таким голосом – роскошное, бархатное, чуть вибрирующее контральто. За такой голос любая певица миланской оперы, не колеблясь, отдала бы полжизни. И потом, почему на «ты»? Очень невоспитанные дети!

Словно прочитав мои мысли, они засмеялись. Путы-щупальца, удерживавшие мои руки и ноги, исчезли. Я ещё секунду помедлил и осторожно сел.

«Детишки», разбудившие меня – мальчик и девочка лет десяти – стояли совершенно голые, и за спиной у обоих были сложены крылья с белоснежно-радужными перьями.

Всё вспомнилось мгновенно – и девочка-ангел, сбита машиной, и наша безумная ночная гонка, и «саркофаг» в лесном тереме.

Я обалдело озирался по сторонам, затем глянул на себя. Одет я был не теплее, чем эти ангелы, буквально в чём мать родила. Где мой десантный камуфляж? (Я всегда езжу на рыбалку в этой одежде – тепло, удобно, и грязь не видно).

– К сожалению, одежды твоей нет, – произнёс «мальчик». Голос у него тоже был ничего, высокий оперный баритон. – Я в испуге всадил в вас обоих максимальный импульс парализатора, не рассчитал. Друг твой ничего, а у тебя остановилось сердце, и пришлось срочно поместить тебя в витализатор. Ну и... Ладно, что-нибудь придумаем. Вылезай уже!

Я вылез из ванны, неловко прикрываясь руками. Чертовски неудобно стоять нагишом перед детишками. Впрочем, чего я? Какие они, к лешему, детишки?! Ну тем более, неудобно стоять нагишом перед представителями инопланетной цивилизации. Или самого Господа Бога?

Они опять засмеялись. Действительно мысли читают, что ли?

– Действительно читаем. Это ты глухой, как и большинство людей. Пойдём же!

Мы покинули зал витализаторов – впереди девочка, затем я, мальчик шёл сзади. Я вовсю глазел на своих провожатых. Сложенные крылья с бело-радужными, длинными перьями плотно и как-то очень естественно лежали на их спинах, прикрывая спины от плеч до ягодиц. Я вновь вспомнил ночное происшествие, как наш Михалыч аккуратно сворачивал эти невероятные крылышки, так не похожие на птичьи. Интересно, а в размахе? Метра три, не меньше...

Я не успел закончить свои научные размышления. Ангелы (про себя я называл их теперь так) прошли через люк не нагибаясь, небрежно и привычно перешагнув высокий порог, я же снова ударился макушкой, зашипев от боли. Зачем они внутри-то двери поменяли, оставили бы человечьи!

Я уже догадался, что данная постройка сооружена не ангелами. Зброшенный скит, вот что это. Захваченный межпланетными агрессорами для своих шпионских целей.

Они снова засмеялись.

– Догадка верная, но не совсем, – это мальчик, – здесь действительно скит, только не совсем заброшенный. И не захвачен. И уж точно мы не агрессоры.

Как жить, если все твои мысли буквально на ладони? Подумать свободно не дают. Вот подумаешь что-нибудь не то...

Снова смех.

– А ты думай то, – это уже девчонка.

Смеются они весело, открыто. Нет, невозможно так смеяться и быть злобным межпланетным агрессором.

А наши-то, эти, как их, уфологи – «маленькие зелёные человечки»...

Они остановились так внезапно, что я чуть не налетел на мою провожатую. Девочка обернулась, и глаза у неё были твёрдые, цепко-внимательные. Заглядывающие в самые недра души.

– Что ты знаешь о маленьких зелёных человечках?

Я растерянно моргал. Чего пристали, ну? Да ничего не знаю, я-то не уфолог. И даже книжек таких не читаю!

Она расслабилась, и глаза опять стали прежними – мягкими, недетски мудрыми, успокаивающе добрыми, и в то же время где-то в глубине плавали озорные огоньки.

– Правда, ничего не знаешь. И желаю тебе, чтобы и дальше не знал. Идём!

Ну ни хрена себе! У них тут что, ещё и такие есть?

Короткий смешок.

– Здесь, разумеется, нет и не будет.

* * *

В просторной комнате, куда мы вошли, можно было с первого взгляда угадать монастырскую трапезную. Длинные широкие лавки располагались по обе стороны общего стола, причём одна лавка была ниже, а вторая выше. В четыре высоких стрельчатых окна, забранных частыми переплётами с цветными стёклами – ба, да это же настоящие витражи! – лился яркий солнечный свет.

На мне красовалась теперь новенькая светлая рубашка и вылинявшие джинсы. Слава богу, нашли-таки человеческую одежду. Я в душе опасался, что домой мне придётся ехать голым, в лучшем случае – завернутым в какую-нибудь серебристую космическую тряпку. Или у них нашёлся бы скафандр на мой размер?

На низкой лавке за столом, спиной к свету, сидели люди – высокий старик с бородой, по виду типичный селянин, молодой человек в современных маленьких золотых очках, в отлично сшитом костюме – вылитый дипломат – и бритоголовый здоровенный парень в чёрной кожаной куртке – явный рэкетир. Рядом с ними сидели члены нашего славного экипажа, радостно приветствовавшие меня беспорядочными и не совсем членораздельными возгласами.

Напротив них сидели ангелы, две девочки и два мальчика. Они были похожи, как близнецы. Стало быть, вместе с моими конвоирами, ангелов шесть штук. Такой, значит, расклад. Плюс наша пострадавшая. А может, и ещё имеются?

– Больше никого. И так здесь много лишнего народу. Но я ещё должна сказать спасибо.

Ближняя ко мне девочка-ангел встала, подошла ко мне вплотную, серьёзно глядя снизу вверх своими огромными глазами – теперь ярко-голубыми, сияющими – и поманила пальчиком. Я наклонился, погружаясь в затягивающую сияющую бездну этих глаз, и почувствовал на своих губах лёгкий, как птичье перышко, поцелуй маленьких губ.

В голове в меня гудело.

– Стало быть, тебе...вам лучше? – идиотским голосом спросил я.

– Заметно лучше, – она засмеялась, разрушая наваждение своей неземной красоты, и кто-то из наших хихикнул.

– Садитесь, гостюшки дорогие, хоть и незваные. Сперва позавтракаем, потом будем думать, как жить дальше, – подал вдруг голос старик. Голосище будь здоров, дьяконом ему быть.

– Верно, – отозвался сидевший поодаль ангел-мальчик. Если бы я не видел, кто говорит, поклялся бы, что говорит девушка, такой переливчато-серебряный голосок. Да что же у них всё не как у людей?!

– А так лучше? – утробным басом спросил тот же мальчик. И, глядя на мою вконец обалдевшую, вытянутую физиономию, дружно засмеялись все.

* * *

Завтракала наша разношёрстная компания в дружном молчании.

На столе красовалась небогатая монастырская трапеза: варёная картошка с постным маслом, тыквенная каша, квашеная капуста, охапка зелени на разделочной доске, огурцы – солёные и свеженькие, с грядки. В плетёной широкой корзине горой лежали ломти свежего ржаного хлеба и настоящие деревенские шаньги с творогом. Посреди стола красовался ведёрный самовар, вроде как электрический, в окружении полутора десятков разномастных чайных чашек. Дополняли сервировку пара здоровенных крынок с молоком, мёд в деревянной миске и две большие вазы с фруктами. Впрочем, гостям предложили миски с ухой. Кроме нас, уху хлебал лишь бритый парень. Дед равномерно двигал челюстями, тщательно пережёвывая тыквенную кашу. Молодой человек в костюме дипломата аккуратно вкушал картошку, как будто на приёме у английской королевы. Ангелочки же с непередаваемым изяществом уплетали шаньги, обильно запивая их молоком из высоких стеклянных стаканов.

Наш славный экипаж, оробев, не решался на расспросы. Кто знает, может быть, согласно межзвёздному этикету, говорить во время трапезы неприлично?

Тут я заметил, что молчание наших хозяев довольно условно. Складывалось впечатление, что за столом ведётся оживлённая дискуссия. Лица ангелов быстро меняли выражения, они перебрасывались взглядами между собой и тремя сидящими напротив людьми. Троица ещё и дополняла мимику жестами. Вот бритый парень со стуком положил ложку на стол, для верности прихлопнул ладонью. «Дипломат» отрицательно покачал головой. Дед крикнул и развёл руками.

– Простите, – вдруг нарушил молчание «дипломат», – я полагаю, что к обсуждению данного вопроса следует привлечь наших гостей – всё-таки решается и их судьба. Посему предлагаю перейти на звук.

Я с симпатией посмотрел на него. Заступился за соплеменников. Не холуй, значит, инопланетный, свой голос здесь имеет.

– Ты прав, Геннадий, – своим серебряным голоском отозвался прежний ангел – и вообще, мы ведём себя нетактично. У людей принято знакомиться, а мы даже не представились нашим гостям.

– Имеет ли смысл? – с сомнением произнёс бритоголовый.

– Безусловно имеет. Извините, но ваши имена и даже род занятий нам известны. Кто скажет? Может, Пётр Иванович?

– Ну что ж, могу и я, – откашлялся дед. – Меня, значит, Пётр Иванович кличут, фамилия Дымов. Можно также просто Ивановичем или дедом – кому как удобней, я без обид. Я тутошний станционный смотритель, он же сторож, он же кухарь, а в миру ещё и лесник.

Дед Пётр Иванович налил себе чаю, не спеша подул в чашку, с шумом отхлебнул.

– Иванович, – негромко напомнил ангел.

– Да-да. Вот это, – жест в сторону «дипломата», – Геннадий Алексанч Меншиков, прямо так и есть. Наш тайный представитель, значит, в органах власти, адвокат и акула бизнеса.

– Это да, – насмешливо фыркнула наша вчерашняя жертва. Видимо, знала что-то такое.

– Вон та, смешливая, – тычок пальцем в её сторону, – Иолла, а полностью выговорить трудно. Да я её для простоты Ирккой зову. Ничего, отзывается.

– Да сколько угодно, – снова фыркнула Иолла-Ирка.

– Оперативный сотрудник, значит. Вчера состояла на очередном дежурстве. Результаты вам известны.

Иолла-Ирка поперхнулась молоком.

– Ладно, они промеж себя вроде как разберутся. Не судите, да не судимы будете.

– Иванович, меньше философии. Время, – опять подал голос тот же ангел. Наверное, он здесь за главного. Как там у них – архангел, что ли?

Дружный смех. Я же совсем забыл, что они читают мысли.

– В самую точку, Рома, – прогудел дед. – Мы, человечий персонал базы то есть, так меж собой Уэфа и зовём. А полное имечко у него ещё хлеще, чем у Ирки. Здешний координатор. Большое начальство и умнейшая голова. Да дураков здесь и не держат. Не та работа.

– Иванович, ты не исправим, – вздохнул Уэф.

– Это, – продолжал дед Иванович, указывая на бритоголового, – Николай Алексеич Хрустов, известный среди местной шпаны как Колян и Хруст. Агент влияния, значит, среди молодёжи. Стиляга.

– Иванович, «стиляга» – архаизм. Теперь говорят «конкретный пацан», – подал голос бритоголовый Колян-Хруст.

– Во-во, я и говорю. Пацан и есть, и притом конкретный. Дитё, несмотря на размеры. Но на голову тоже ничего. И службу держит справно.

Дед Иванович налил себе вторую чашку чая, подул и отхлебнул. Зажмурился – горячо.

– Остальные оперативные сотрудники – вот они. Это Аина, Аня по-нашему, это Иого – Игорёк, стало быть, это Кио – мы его так и зовём, а это вот Мауна, Маша, ихняя и наша докторша, – кивок в сторону девочки-ангела, извлекшей меня из витализатора. – Супруга начальника, между прочим.

«Разве у ангелов есть супруги?» – промелькнула у меня мимолётная мысль. Но дед Иванович уловил.

– Само собой. Что же они, не люди?

– И чем же вы здесь все занимаетесь? – вдруг подал голос наш Михалыч.

– Как обычно, уважаемый Семён Михайлович, – серьёзно, без улыбки ответил Уэф. – Сеем разумное, доброе, вечное. Как всегда и везде.

Я в замешательстве огляделся, но ни на одном лице не увидел и намёка на усмешку. Даже смешливая Иолла сохраняла полную серьёзность. И я вдруг как-то сразу поверил. Само собой, разумное, доброе и вечное. Как же может быть иначе?

– А конкретнее? – услышал я голос Ильи.

– А вот это уже будут совершенно излишние подробности, – опять без тени улыбки произнёс Уэф. – Простите, но время здорово поджимает. Изложу вкратце своё видение ситуации. Оперативный сотрудник... – секундная заминка, – Иолла, находясь на дежурстве, грубо нарушила правила безопасности. Купаться на озере следует в нерабочее время.

Иолла, которую я про себя уже твёрдо решил называть Ирочкой, смотрела в пол.

– Закончив водные процедуры, – невозмутимо продолжал Уэф, – она вспомнила, что не произвела обход и не активировала дендроидов внешней охраны после профилактики. Кстати, к своему счастью, и этих людей тоже, – кивок в нашу сторону. – Вряд ли дендройды пропустили бы твоих спасителей живыми. Они же приняли бы их за бандитов-похитителей, неужели не ясно?

Ирочка всхлипнула.

– Решив исправить упущение, она полетела в лес, но уронила личное оружие – перстень-парализатор, что само по себе сделать не так легко, тут нужно постараться.

Ирочка всхлипнула дважды.

Я перевёл взгляд на руки сидящих за столом. У всех ангелов на тонких пальчиках красовались изящной работы перстни, с блестящим камешком. Ясно. Вот меня чем, значит...

Встретив мой взгляд, мой недавний конвоир – Иого, вроде? – обезоруживающе улыбнулся и совсем по-человечьи пожал плечами – мол, извини, на войне как на войне. Ладно уж, стрелок ворошиловский.

– ...Спикировав к земле в попытке поймать перстень на лету, она умудрилась произвести лобовое столкновение с автомобилем – единственным, между прочим, в радиусе десятка километров на тот момент. Крылатое существо – с наземной машиной...

– А если оно не везёт, то как с ним бороться? – меланхолически изрёк Колян-Хруст.

Двойной быстрый взгляд-просверк – Ирочкин, как укол, и Уэфа, плотно-внимательный. Колян тут же полуприкрыл глаза.

– Так я продолжу? Спасибо, – Уэф сплёл тонкие, детские пальцы рук, положил на стол. И я вдруг увидел всю нашу компанию как бы со стороны.

За длинным, гладко оструганным древним дощатым столом трапезной, в глухом лесу сидели рядом люди и ангелы.

К этому моменту я уже понемногу начал различать ангелов, хотя сперва они показались мне одинаковыми более, чем близнецы. В первую очередь это касалось Ирочки, нашей вчерашней пострадавшей, хотя и утратившей в недрах витализатора свои ужасные синяки – память о вчерашнем происшествии. У неё были кудрявые ярко-золотистые волосы, помимо неё, такие же были только у Мауны-Маши, только у неё они были длиннее и зачёсаны в сложную причёску. У остальных волосы были ещё светлее, почти серебристые, а у Аины-Ани даже металлически-серебряные, да ещё и с радужным отливом, собранные в ещё более сложную причёску, чем у Мауны. Аина, кроме того, была заметно крупнее, и глаза у неё были голубовато-зелёные, тогда как у остальных – голубизна всех оттенков, от ярко-голубых до фиолетовых – это у Уэфа. На шеях у всех красовались такие же точно искристые, с виду хрустальные бусы, что и у Иоллы-Ирочки.

Я всю глазел на этот святой синедрион, и в голове не было ни одной связной мысли, зато вихрем проносились многочисленные их обрывки. Вероятно, почувствовав моё состояние, мой недавний конвоир, Иого, ободряюще улыбнулся. Хм, а зубы-то у них совсем как у людей – ровные, жемчужно-белые.

А может, я всё-таки сплю? Да ради Бога!

Какой прекрасный, удивительный сон! И не хочу я просыпаться...

– ...Дальнейшее развитие событий можно смело назвать счастливой случайностью. После столкновения Иолла находилась в совершенно беспомощном состоянии, напрочь утратив спо-

собность к внушению и телепатии. А если бы вместо этих людей оказались какие-нибудь подонки, которые бросили бы тебя, даже не остановившись? Или твердолобые бараны, которые упрямо доставили бы тебя в Осташковскую районную больницу (мы всей командой дружно вздрогнули), где ты благополучно скончалась бы? И какой-то местный прозектор (на этот раз вздрогнул Михалыч) уже потрошил бы тебя?

– Это вряд ли, – возразил Геннадий. – Иого и Кио успели бы забрать. Иого был тут уже через две минуты после пуска витализатора. Экстренная телепортация.

– Не уверен. Сигнала тревоги с места происшествия не было. И здесь никого – Пётр Иванович был на задании. Когда бы мы хватились, да когда ещё нашли? Если бы успели вскрыть череп и расковырять мозг, не помог бы и витализатор.

А ведь он боится, внезапно осознал я. И ровно журчащий серебристый голосок не в состоянии скрыть эмоции. Он разъярён и напуган, да, тем самым запоздалым страхом, который хорошо знаком всем мамам и папам, чей ребёнок, резвясь, неосторожно выбежал на дорогу, и машина со свистом пронеслась мимо.

– ... А журналисты, а ФСБ? Но я заканчиваю.

В результате вчерашних событий, которые уверенно можно назвать чрезвычайным происшествием, на базу проникли посторонние. Между тем инкогнито базы должно быть безусловно сохранено, в противном случае нам предстоит перенос базы, а это очень долго и трудно. Надо решать.

Вот оно что! «Он слишком много знал!» – так, кажется? А лучше всего тайну хранят, как известно, покойники. А как же разумное, доброе и всё такое?

Я взглянул на ангелов и замер. Все мысли напрочь вылетели.

Они сидели вытянувшись как струна, с напряжёнными потемневшими лицами, и глаза у всех стали тёмными, почти чёрными. Ирочка закусилла нижнюю губку до крови.

– Да ты... Да вы... Да как вы все могли такое подумать!!!

* * *

– ...Ну и правильно называешь. А как их ещё называть, ежели они ангелы и есть?

Мы сидели на завалинке возле бани, укрытой под сенью могучей липы. Хорошо! Жужжали пчёлы, копошившиеся в ветвях цветущей липы, полуденный зной смягчал ветерок, приятно холодивший после баньки. Кроме нашего славного экипажа, на лавочке присутствовали ещё дед Иванович и громадный пёс Казбек, той почти забытой сейчас породы, которую во времена моего детства называли «восточноевропейская овчарка» – мощный, с густой шерстью и внушительными клыками. Казбек дисциплинированно лежал рядом с дедом Иванычем, вывесив язык и часто дыша. Жарко.

Дед Иваныч сидит с нами, умиротворённо жмурясь. Доволен принятым решением.

Выбирать пришлось из трёх вариантов. Первый вариант – стереть память о происшествии, начиная со вчерашнего вечера, и заменить «ложной памятью». Для существ, обладающих огромной гипнотической силой и разнообразными техническими возможностями, это не очень сложно. За этот вариант высказались только Геннадий и Колян-Хруст, да и то колебались. Лобовое решение далеко не всегда самое лучшее. Когда слово предоставили нашему славному экипажу, мы осторожно попросили не делать с нами ничего эдакого, если можно. И с огромным облегчением убедились, что никто особо не настаивает.

Второй вариант предложила Ирочка. Так как мы доказали на деле свою преданность идеалам добра – тут Ирочка увидела, что Уэф, а за ним и коллеги, улыбаются, и рассердилась – да, доказали на деле, она так считает, и можете смеяться хоть все! – то она предлагает принять нас в команду. Да, завербовать, если угодно!

По-прежнему улыбаясь, Уэф заявил, что предложение, несомненно, интересное, но несвоевременное. И тут слово взяла до сих пор молчавшая Мауна – Маша, как называл её дед Иваныч.

Она предлагает промежуточный вариант. Мы будем помнить всё, но рассказать никому не сможем. Как только кто-либо из нас захочет проболтаться, он с удивлением обнаружит, что язык ему не повинуются. Ап... Ап... И ни слова! Аналогично и с попыткой изложить события в письменном виде, только на сей раз откажется служить рука. Такой вариант гораздо менее травматичен для психики, нежели манипуляции с ложной памятью. И инкогнито базы нисколько не пострадает. И возможность нашей «вербовки» – если клиенты дозреют – сохраняется в полном объёме. Она берётся всё сделать уже сегодня. Как вам?

Вариант был принят почти единогласно, и мы не возражали. Ясное дело, человек существо ненадёжное, мы понимаем. Выпьёт кто-нибудь лишнего, и пошёл языком чесать. Конечно, скорее всего примут за психа – а ну как нет? Словом, мы согласные.

Публика сразу расслабилась, оживлённо задвигалась и тут же стала рассасываться. Встал из-за стола Геннадий, молча кивнул на прощание Уэфу и Мауне-Маше (или не молча? Кто их разберёт, телепатов!), вежливо попрощался с нами. За ним, перебросив ноги через лавку, вылез Колян-Хруст, на ходу сгрёб шаньгу и пару ломтей чёрного хлеба, засунул в широченные карманы. Подмигнул пострадавшей Ирочке (та снова фыркнула – может, сказал он ей что-то мысленно), махнул нам ручишей. За ними проследовала Аина-Аня. Через минуту во дворе заурчал мотор, и сквозь разноцветные стёкла крайнего окна я увидел, как со двора выкатился чёрный «джип-чероки». Куда и как исчезли остальные, я даже не успел заметить. За столом остались только дед Иваныч и наш славный экипаж, в одночасье превратившийся в пациентов.

* * *

В ожидании «процедуры» дед Иваныч пригласил нас в баньку, попутно развлекая светской беседой.

– ...Да, здесь отлично сохранилась банька, монахи-староверы толк в этом деле понимали, и мы, человеческий персонал базы, пользуемся. Ангелы-то? Да нет, они как раз в банном деле не смыслят, наоборот, им чем студёней вода, тем лучше. Физиология у них маленько другая. Они вон до глубокой осени одёжу не признают, жарко им. Почему? Да откуда мне знать, я что, ксенобиолог?!

После такого неожиданного слова даже Эдик заткнулся, и лишь я упорно добивался правды-матки, постепенно извлекая из разомлевшего после бани деда Иваныча ценные сведения.

Помимо этой базы, в его ведении находилась ещё официальная сторожка, где он по идее обязан был проживать, и официальная работа, которую, между прочим, с него никто не снимал, делала жизнь деда Иваныча весьма хлопотной. Если бы не лошадь Чалка, и не поспеть бы везде.

К этому времени мы уже начали понемногу привыкать к ангелам. И даже их спокойная нагота – ни у кого не повернулся бы язык назвать её бесстыдной – уже казалась нам совершенно естественной. Как в кино: «ну царь, ну Иоанн – что тут особенного?»

– ...Сколько им лет-то? Кому как. Ирке, к примеру, по нашему счёту двадцать с мелочью – самая младшая она у нас (так и сказал – «у нас»). А вот Уэфу, к примеру, за сотню перевалило. По ангельским понятиям мужчина в самом расцвете сил.

– ...Верно, не скажешь. Да тут видишь, какое дело... это у нас, у людей, с годами рыха растёт да пузо, а у них, у ангелов – только ум. Совершенство тела, совершенство духа. И когда им помирать, только они сами и знают. Вот Уэф объяснял – ангел сам зовёт свою смерть, когда больше жить не желает. Точнее, когда больше никого и ничего не любит. Как это может быть?

Ты не поймёшь, молодёжи это никак непонятно. А мне понятно. Думаю, проживи ты этак лет триста-четыре, тоже допёр бы. Можешь не сомневаться.

– ...Язык-то у них свой есть, конечно, да вот только отмирает он, это мне Уэф жалился. Оно и понятно, кто будет словами объясняться, когда в ходу у них мыслеобразы. Телепатия у них поголовная, уже многие сотни лет. Так что язык у них – рудимент, навроде как у нас свист. Уэф говорит, мы тут на Земле к этому же придём. Если у нас всё получится, конечно.

А вот Аня говорит – она у нас лингвист, чуть не все языки земные знает – так она говорит, что язык ихний сохраняется только благодаря песням. Песни у них – да, закачаешься! Да ты сам видал, что они со своим голосом вытворяют. Какой хотят, такой и сделают.

– ...Как тебе получше объяснить? Не поймёшь ты. Ну вот как глухому объяснить, что есть такое музыка? Так и с телепатией. И я не понимал, покуда не пробудили они меня, не вскрыли, значит, задатки. Ладно, попробую. Вот ты чуть подумал, или почувствовал – а я уж знаю, что ты подумал и как именно почувствовал. И образы мысленные, что в голове у тебя вертятся, я вижу, хоть и не всегда отчётливо. А уж они-то видят даже то, о чем ты и помыслить толком не успел, а только собирался. Чего неловко? Неловко может быть лишь от гнусных мыслишек всяких, так это надо изживать. Хотя где-то, может, ты и прав. Каюсь, и у меня они водились. Подумаешь при всех – стыдоба, как будто громко пукнул прилюдно. Да нет, не прав ты всё же. Не перди за столом, и стыдно не будет!

– ...У них-то? Да у них таких товарищей, которые нам всем не товарищи, уж сотни лет как и в помине нету. Ну сам посуди, как у них там жить какой-нибудь сволочи, ежели все кругом насквозь эту сволочь видят. Может, и были у них в самом начале эпохи телепатии такие, да только передохли они в глухом одиночестве. Вымерли, не оставив потомства.

– ...Ну и настырный ты, парень. Ладно, скажу, что сам знаю. Нет, не в пробирках они вырастают. Рожают, конечно, только махоньких, с хвостиком ещё – ну прямо головастики, а о крыльях и речи нет. И выкармливают, а как же! Вон соски у девочек видал, торчат? Точно, как у кошки либо собаки – когда надо, титьки есть, когда не надо – нет их. Крылья-то у них потом вырастают, по нашему счёту годам примерно к семи. Нет, конечно, сам лично не видал – только фильм ихний. У нас здесь такого не случалось ещё – они для этого дела домой к себе перебираются. Телепортация, понял? Вон Маша-то с Уэфом уже дважды здесь декрет свой брала, да не на год-два – на семь лет! Ну и он с ней, а как же. А у них там считают, что дитё мать с отцом должны растить, для гармоничного развития личности. Первый-то раз давно это было, я тут ещё не служил, а второй раз при мне уже. Растят дитё бессменно, покуда не полетит в свой первый полёт.

– ...Кто замещал? Да Игорёк и замещал, Иого, то есть. Нет, замена им обычно не положена, если только от работы отстранят вовсе, или сам откажется. Да только наши-то каждый раз вертались. Маша вон говорит мне – полюбила я вас тут, орясины нелетучие, и вашу Землю, и Уэф тоже. А у них так – не любя служба – никто служить из-под палки не будет. Да, бывало трудновато. Ничего, справились. Ведь не одна такая база на Земле-то, да я про другие не знаю. Конспирация, понимать надо! К тому же связь есть, всегда совета спросить можно. Это телепортация – дело хлопотное, дорогое как бы, а со связью проще. Ха, сам-то ещё ничего, а Маша, считай, как и не уезжала – чуть что, уже на связи. Переживает за нас.

А трудно по-настоящему Игорьку. Семейный, а живёт тут чуть не бессменно, как ровно полярник в Антарктиде. Одной видеосвязью, брат, сыт не будешь. Но терпит. Фанатик, похлеще Маши. Да вон Ирка ещё, бесстыдница – надо, мол, тебе было жениться на здешней женщине, они такие большие и мягкие.

– ...Ну и дурень ты! Кого бросают? Куда бросают? Да таких родителей на Земле нашей грешной поискать днём с огнём. Это, значит, не так ты понял. У них там никаких интернатов нету, даже понятия такого. Все детишки беспременно в семье растут, только семья та папой да мамой не ограничивается – тут тебе и дяди-тёти, и бабушки с дедушками, и ещё как-то

там – не сразу подберёшь понятие в русском языке. Взять хоть нашего Уэфа с Машей – старший сын у них учёный, ему уже под восемьдесят где-то. Молодой, перспективный, и женатый давно! А на межпланетную видеосвязь с мамой да папой почитай каждый месяц выходит, да не так, как наши здешние, теперешние-то чада – по телефону: «мама-папа привет, как здоровье, дайте денег». По два-три часа, почитай, гостит. Ну да, при ихней внепространственной видеосвязи-то натурально как в гостях, сидит напротив, разговаривает мысленно и голосом, только что чай не пьёт. Дочка старшая тоже под стать – детей учит, а это у них, брат, самая почётная специальность. Мало кому детей доверить можно. Чтобы росли, значит, не олухи бесполезные, бессмысленные, а здоровые, счастливые, полноценные члены общества – во как! Ну а младшенькую вы сами вчера сюда свезли. Как не сказал? Разве? Точно ведь, не говорил, подумал только. Привык тут, понимаешь, к телепатии. Ну извиняй, не учёл.

– ... Ладно, попробую тебе ответить и на этот вопрос. Вот мы детишек растим – для чего? Ну правильно, продолжение рода. Ладно, неудачный пример. Для чего, скажем, старший брат опекает младшего? То-то. Так и цивилизации космические. Уэф да Иого рассказывали мне из ихней истории кое-что. Выходит, им в своё время тоже помогли подняться, когда они ещё гнёзда вили на утёсах, навроде наших ворон. А они нам, значит. Не будь их, мы бы, может, до сих пор друг другу головы дубинами разбивали, в лучшем случае – топорами каменными.

То-то и оно, что нельзя в открытую. Я вот тебе братьев в пример поставил. Ну как старший брат станет младшего силком уму-разуму учить, да подзатыльниками – хорошо ли? Нет, тут дело тонкое. К тому же ангелы-то на Земле не одни. Есть и другие. А ты не знал? Ну да, ясно, откуда. Есть другие, есть, и, как говорит Уэф, «их цели далеко не столь благородны». Потому и конспирация такая. А вот подробнее – уволь, не уполномочен. Спроси у Уэфа, он расскажет, ежели сочтёт нужным. Так-то.

– ... Верно подметил. Не зря в древних текстах вон ангелы действуют да купидоны. Слышали, значит, звон, да не знали толком, где он. А они-то тогда уже тут работали вовсю. Уэф как-то говорил вот, что конец мрачного средневековья есть одна из самых блестящих ихних операций, его предшественников, то есть. В учебники даже вошла. И ещё, мол, что сделали это настоящие герои, тогда телепортация-то была риском чрезвычайным, а ещё раньше – и вовсе дорогой в один конец. Не умели назад-то возвращать, значит. Сейчас, конечно, дело другое – даже в отпуск домой переправляются, нечасто правда.

– ... Это уже чересчур ты догадлив, парень. Ладно, раз сам допёр, скажу. Работа есть работа, значит, и проколы в ней, само собой, случаются. Вот и с Христом случай отсюда. Еле выручили парня, хорошо, что тогда уже витализаторы-то эти были.

– ... Уморил ты меня. Да есть у них техника, само собой. Только они её, технику, как бы не любят. Всё потому же – совершенство тела, совершенство духа. Техника, мол, и даже одежда есть по сути своей протезы, и где можно, надо обходиться без протезов. Они и летают на своих крыльях, ежели где недалеко и спешить особо не надо. Вот в Москву, например, часто своим ходом летают.

– ... С чего ты решил? Да где хотят и когда хотят летают, и ты их не увидишь, ежели сами не захотят. И никакие локаторы не увидят.

Как достигают? Вот этого я тебе не скажу, потому как сам не шибко понимаю. Про голографию слышал чего-нибудь? Вот из этого же ряда, а подробнее объяснить невозможно. Нету ещё в русском языке таких понятий, и ни в каком нету. Когда мне передают, я, стало быть, мыслеобразы-то ловлю, а толку чуть. Не доросли мы, вишь, до такого понимания, недалеко ушли от обезьяны-то.

Ты у них бусы видел? Да какие тебе стекляшки! Не украшения это – прибор маскирующего поля. А у них все приборы такие мелкие, с виду безделушка безделушкой. Громоздкость технических устройств, парень, это удел варваров, дикарей навроде нас с тобой.

Да что я тебе толкую – ты вот Ирку попроси-ка, она тебе всё это дело мигом продемонстрирует, небось не откажет в такой-то малости. Раз-раз – и нету, только вроде марева летнего там, где только что ангел был.

– ... Кстати, и насчёт базы то же самое. С воздуха её не видать, хоть с высоты, хоть с бреющего. И посуху до базы кому попало не добраться.

Видал бревно на въезде? Моя работа, кстати. Шлагбаум что надо – не гниёт, почти не горит, и бензопилой пилить замаешься – цепь порвётся, так всё аккуратно устроено. Ежели шлагбаум всё же как-нибудь проскочить – вы там дальше лужу должны были заметить, долгую такую. Во-во, не простая это лужа, а ловушка хитрая с управляемым грунтом. Вы как проехали, ровно по асфальту мокрому? Так это Ирка, значит, ловушку заблокировала мысленно. Верно, и шлагбаум подняла она же – есть там такое устройство, для приёма мысленных команд, значит. И как только сил хватило, сердешной!

Да мы все её жалеем, не передать. Игорёк да Кио ей вместо братьев старших, Аня танцам в воздухе да петь учит, ихние песни и наши – не успокоюсь, мол, пока лучше меня петь не будешь, талант у тебя, у Ирки то есть.

Ну а про меня и речи нет. Она же мне вроде внучки, хоть и не родная, и даже роду-племени не нашего, человечьего. У меня же кроме них вот, почитай, и нет никого.

Ха, да вот не так давно, в прошлое-то её дежурство – сижу это я после исполнения службы, значит, передыхиваю. Ну и она рядом подсела. Сидим, молчим. И вспомнилось мне почему-то, как я дочку свою на спине катал, давно, до войны ещё, покуда все живы были. Представил так явственно, и чую – рядом Ирка всхлипывает, ручонкой своей меня по голове гладит, жалеет, стало быть. Тут уж и я её по головке давай гладить, каюсь, что расстроил девку. Так и сидим, жалеем друг друга. Вдруг она глазищами своими как заискрит, да и говорит мне открытым голосом: дед, а меня ты на спине покатаешь? Ни разу в жизни не пробовала! На Чалке и на Казбеке каталась, а так вот – нет. Я одурел сперва: я, говорю, старый человек, а ты межпланетный агент, оперативный сотрудник – не стыдно? А она уже в голос смеётся – стыдно, говорит, но уж очень хочется. Я же маленькая! Ну, и не смог отказать – провёз круг по двору, покуда не свалились оба от хохота. Вот такие тут порядки, особо когда Уэфа нету.

– ... Да, отвлеклись мы. Так вот, ежели лужу-ловушку эту не заблокировать, то и танк не пройдёт. Завязнет насмерть, и лебёдкой никакой не вытащить. И объезда кругом нет, это уж я тебе как лесник гарантирую.

Пешком-то? Можно попробовать, ежели ума негусто. Только и тут не получится. По этой вот дороге даже если – мимо пройдёшь, не заметишь. Хитрая маскировка, опять же. Это вы вот с Иркой к воротам прямиком подкатили, потому как она маскировку-то сняла, стало быть. А так – дорога идёт по лесу, из ниоткуда в никуда, ищи на здоровье. Так и будешь гулять туда-сюда до посинения. А коли особо не повезёт, и выйдешь ты всё же прямо на базу – хватит тебя в лесу обморок, и проснёшься ты незнамо где. Откуда шёл, куда и с кем – непонятно. Так это будет выглядеть.

Ну и уж на совсем крайний случай – вот, к примеру, вчера (тьфу-тьфу, конечно), ежели бы бандиты какие раненую Ирку захватили, да дорогу пытать вздумали (здоровая-то она никому не далась бы, хоть и группе «Альфа», не та девка, ты не гляди на вчерашнюю оплошку) – так вот, на такой случай тут дендрониды внешней охраны имеются. Да, точно, навряд ли роботов. Не видал ты их, и скажи спасибо. По ночам писать под себя будешь! Здоровенные пни, на корнях ходячие. Да быстро так, пешему и не убежать! Вместо рук – сучья-крючья, по шесть у каждого. И не взять их ничем, ни автомат не берёт, ни граната любая. Скажу вам, ребята, по совести: ежели бы Ирка вчера не лопухнулась так, не забыла включить их после профилактики, значит, то нипочём бы не опознали вас, разве только численность установили, да и то приблизительно. Они бы на такую боль её моментально явились, а так как она была, почитай, в беспамятстве, то и заступиться за вас было бы некому. А ежели учесть к тому же, что на каж-

дом парализаторы кругового боя установлены, плюс специальный прибор, как-то бишь: «для уничтожения быстролетающих и сильно бронированных объектов», то можешь быть спокоен – ни бандиты какие, ни даже дивизия спецназовская до базы не доберётся.

Только будет это, значит, страшным провалом. Вся работа за многие годы коту под хвост. Как Уэф повторять-то любит, мы сюда не воевать прибыли, а как раз наоборот.

– ... А вот это, парень, вопрос из вопросов. На него тебе не только я, значит, никто толком не ответит – ни Уэф, ни даже Маша, а это, между прочим, прямая её специальность. Она ведь и есть ксенобиолог, Маша-то, а доктор – это по совместительству, кому, как не ей. Так вот, говорит она, Маша то есть, мне однажды, и вроде как со страхом даже – живу, говорит, Иваныч, я на свете уже вторую сотню лет, и чуть не с детства занимаюсь этой ксенобиологией, а взять в толк не могу – как из разных существ, предками у одних обезьяны, а у других твари летающие, навроде наших земных летучих лисиц, слышал о таких? Да, из разных тварей получились вполне даже сходные существа. Весь генотип, говорит, чуть не наизусть помню у тех и других, а понять не могу. Вот Аня и Кио, те толкуют что-то о единых для всего сущего законах красоты. Ха, бывало, толкнёшь вопрос этот за столом, когда все соберутся, зимой в пургу, к примеру – всё! Можешь смело уходить, никто и не заметит. Спор до утра.

– ... Вот чего они терпеть не могут, так это подлецов всяких и злыдней. Злобы ну совершенно не переносят. И здесь-то они зачем, как мыслишь? Да нет, обратно не понял ты, или я опять не так излагаю. Не затем, чтобы этот самый технический прогресс двигать. Цель ихняя – искоренить злобу и подлость всякую на Земле, навсегда и окончательно. Как Уэф мне разъяснял опять же, свободные и счастливые люди сами дойдут до всего, и гораздо быстрее, чем ежели им всякие железяки-компьютеры исподтишка подсовывать. И скажу тебе по секрету, парень – вот вам троим надо бы здорово над собой потрудиться, труху ненужную из души повытрясти. Михалыч ваш не в счёт, у него-то как раз всё в порядке, он мухи не обидит, даром что трупорез.

– ... Всё, ребята, конец вопросам. Чую, Маша вас сейчас позовет, на процедуру, стало быть. Нет худа без добра – заодно и починитесь. Да, Маша, она к работе относится серьёзно, без ремонту вас не выпустит. А что, могут и зубы вырасти. Ха, жалко, лысых среди вас нету, вот бы диво, как через неделю-то в парикмахерскую заявились, хоть хлопцем кучерявым, хоть жгучим брюнетом – на выбор. Да нет, пожалуй, не станет она так-то, заметно уж больно. Но все внутренности в норму приведёт, это уж точно. Потом покормлю вас обедом – и до свидания. Ну, провожу до выезда. Хотя нет, Ирка и проводит, она же сегодня выходная, как пострадавшая. Да и обратно тоже – то ли ей лететь, то ли мне, старому, ногами топать. А дома соврёте, мол, машина сломалась. Ну, не мне вас учить. Выкрутитесь!

А на ваше спасибо наше пожалуйста. Ладно, скажу прямо. Вот твой, значит, допрос с пристрастием я выдюжил потому только, что повели вы себя как люди. Сами, значит, задавили, дак сами же и спасли. И героями себя не числите. Недаром Ирка-то в вас сразу души светлые под хламом всяким углядела. У них, у ангелов, на это дело глаз намётанный, почитай, врождённое чувство.

А вот и Маша. Что, пора? Ну ясно, по одному. Давайте вперёд, кто смелый!

* * *

Наш УАЗик резво катил по глухой лесной дороге. На заднем сидении, между мной и Михалычем, сидела Ирочка. Мы предлагали ей сесть впереди, но она отказалась.

Сказать по правде, на душе у меня было муторно. И я уже знал, почему.

УАЗ быстро съедал и без того недлинную дорогу. Ещё пара километров, и мы расстаемся.

Доктор Маша (я уже называл её только так) немного виновато объяснила нам, что, к сожалению, дорогу сюда мы все разом забудем, как только покинем лес. Психоблокада, или как там. Мы не обижались. Надо так надо.

Михалыч выглядел бодрее других. Он оказался в наибольшем выигрыше – доктор Маша играючи расправилась с его застарелым полиартритом и кучей других болячек. Но почему-то и он не выказывал особой радости.

Ирочка сидела притихшая, глядя в пол. Очень жаль, мне так хочется ещё хоть раз посмотреть в эти её удивительные глаза.

Она тут же подняла глаза и прямо взглянула на меня. Глаза в глаза. И нет у меня сил оторваться.

– А это правда, что кукушки никогда не строят гнёзд? – вдруг спросила она.

– Правда... – растерянно ответил я.

Ирочка перевела взгляд вперёд. Перед нами была та самая лужа-ловушка. Лёгкое движение бровью – и мы снова едем по мокрому асфальту.

– Вот и дед Иваныч мне то же твердит, – снова заговорила Ирочка. – А я не верю. Ведь не могут они все бросать своих птенцов? Ведь когда-то они вили собственные гнёзда? Это они потом так испортились. В процессе эволюции.

Мы в недоумении. При чём тут кукушки?

– А у людей тоже есть такие места, куда они подкидывают своих детей. Называются интернаты.

Мы все подавленно молчим. Что тут говорить?

УАЗ ползёт теперь, как черепаха по минному полю. Что-то не похоже на Эдика.

– Мама с папой часто спорят. Папа утверждает, что ещё далеко не всё потеряно, и не из таких положений выбирались. А мама говорит – необратимый процесс. Когда не хотят детей. Закон Элу-Лао, исключения неизвестны. Тем более для разумных. Надёжно, как ядерная война.

Теперь в пол не глядит только Эдик. Вынужден следить за дорогой.

– Дед Иваныч говорит проще. «Кто встал на путь кукушки – назад не вернется» – она вдруг коротко рассмеялась. – Он очень умный, дед, только, как любит повторять Коля-Хруст, «косит под лесоруба». Партизаном был, партизаном и остался.

Впереди показалось бревно-шлагбаум. Вновь лёгкое движение бровью – бревно с треском встаёт торчком. Путь открыт.

– С мамой трудно спорить. Она специалист. А у папы нет аргументов.

УАЗ тормозит у развилки. Теперь и Эдик может позволить себе смотреть в пол. Так и есть – смотрит.

– Недавно мама заявила, что останется здесь, даже когда базу ликвидируют. Папа уточнил: если ликвидируют, и мама повторила – когда. Ввиду полной бесперспективности.

Наш славный экипаж молчит, как задуманный.

– А вот Иого говорит – сопротивление бесполезным не бывает.

Пауза.

– Я не верю, – вновь заговорила Ирочка. – Не может не быть исключений для такого закона. А мама говорит мне: попробуй, найди гнездо кукушки.

Она посмотрела на меня, и я зачем-то торопливо полез наружу, выпуская её.

Она выскользнула из машины удивительно легко, и крылья ей ничуть не мешали.

Вслед за мной на дорогу как-то неуклюже – наверное, по контрасту с Ирочкой – вылезли остальные члены нашего славного экипажа. Постояли, неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Ладно, – вновь подала голос наша провожатая, – как говорят, долгие проводы – лишние слёзы. Спасибо вам за всё. Дорогу найдёте?

Слова эти разрушили немую сцену. Нестройно пробормотав слова прощания, наш славный экипаж вновь занял свои места, согласно штатному расписанию.

– Рома, давай! – Михалыч высунулся из полуоткрытой дверцы.

– Езжайте!

Михалыч понял. Захлопнул дверцу, и видно было, как что-то вполголоса сказал Эдику. Мотор завёлся, УАЗ плавно покатился, отъехал метров на полсотни и встал.

Я вновь смотрел на Ирочку. Сияние глаз. И лёгкое прикосновение губ – чуть щекотное, будто пёрышком. Как забудешь?

– А зачем забывать?

Улыбка грустная, и в огромных, всепонимающих глазах тоже плавает грусть. Как она не похожа сейчас на ту, утреннюю, смешливо фыркающую над стаканом молока. Уже не Ирочка – оперативный сотрудник Иолла, межзвёздный агент.

Она уже стояла рядом, и я вдруг почему-то встал на колени. Теперь её глаза были как раз напротив моих.

– Правда, так удобнее, – улыбнулась Ирочка. Мою шею обвили горячие ручки с недетски твёрдыми, настойчивыми пальцами. Сияющие глаза заняли всё моё поле зрения, и я ощутил на своих губах горячий, чуть не до крови, поцелуй. Ничего похожего на пёрышко.

– Извини, не вышло, – вновь улыбнулась она.

А я небритый, колючий. Вот интересно, возможны ли межпланетные браки? Господи, что за чушь лезет в голову, ведь она всё слышит!

Ну и пусть слышит. Ответь! Ответь же!

Она улыбается чуть виновато.

– Но ты-то веришь, что я найду гнездо кукушки?

Верю ли я? Да! Да! Ты найдёшь, я знаю!

– Спасибо...

Вновь поцелуй – долгий, тягучий. Как ей это удаётся? Ведь у неё такие маленькие губки!

Она смеётся. Отходит от меня. Шаг, второй, третий. Вот уже целых шесть шагов.

– Ты хотел видеть, как это делается. Смотри!

Она поворачивается ко мне спиной. С лёгким шелестом распахиваются огромные крылья. По перьям пробегает волна света, всё изображение вдруг начинает будто кипеть, пузыриться. Ещё миг, и вместо Ирочки дрожит знойное марево. Затем мощный вздох, меня обдаёт ветром – всё. Пусто.

– Прощай... – шепчу я.

– До свидания! – доносится с высоты.

До свидания? Ну конечно, до свидания! Какой я всё-таки олух! До свидания!

– Рома!... – Михалыч снова открыл дверцу.

Я повернулся и побежал. Дома меня ждала куча дел, и ещё придётся разбираться с начальством на предмет прогула.

Но я твёрдо знаю одно – наплевать мне на все психоблокады.

Я тоже найду своё гнездо кукушки.

Глава 2

Первый круг рая

Ночь на дворе. Тёплая июльская ночь. Таких роскошных ночей в нашей средней полосе – раз-два и обчёлся.

Я сидел у настёжь распахнутого окна и глядел на переливающуюся огнями ночную Москву. Свет включать не хотелось.

Вот уже полтора месяца, как я вернулся с той рыбалки. Всё уладилось, круговерть повседневных дел завихрилась и понесла. Но ночами всё всплывало.

Сияющая, затягивающая бездна глаз. И лёгкое прикосновение маленьких губ. Как пёрышком.

Нет, не так. Твёрдые, настойчивые пальчики. И поцелуй – чуть не до крови.

До свидания...

Первое время я пробовал бороться. Хватит! Мир вокруг прекрасен и удивителен, лето на дворе, девушки в сарафанах и мини-юбках. Надо жить, вот что.

Но каждую ночь повторялось одно и то же. Сияющая, затягивающая бездна лазурных глаз. И лёгкий, как пёрышко, поцелуй. И твёрдые, настойчивые пальчики.

Я пробовал разозлиться. Колдунья, воспользовавшаяся своей способностью к гипнозу, сгубила добра молодца на корню. Инопланетный агент, вот она кто. Умный, натасканный агент. Безжалостный и беспощадный.

И понимал уже всю тщету своих жалких усилий. Перед глазами стояла тоненькая девчонка, даже ещё не подросток. Только с крыльями.

Злобный инопланетный агент, смешливо фыркающий поверх стакана с молоком. Катающаяся верхом на старом леснике, покуда оба не валятся от хохота. И потемневшие от незаслуженной обиды глаза, закушенная нижняя губка: «Да как вы все могли такое подумать!!!»

Июль уже перевалил за середину, когда я понял – моё дело дрянь. Я ещё как-то справлялся со своими служебными обязанностями, но дома всё валилось из рук. Я уже не помышлял о плотских удовольствиях. Может быть, будь я человеком семейным, или даже имей я постоянную добрую подругу, я бы выкарабкался. Но я в свои двадцать пять был человеком одиноким – так сложилось. И шансов вылезти у меня не было.

Воздух понемногу свежел, ночь перевалила за середину. Как выбираться?

И вдруг я понял совершенно отчётливо – не хочу. Не хочу выбираться. Не хочу ничего забывать. Это моё – счастье или несчастье, но моё.

Ладно. Как говаривал мой отец, главное – ввязаться, а дальше покажет бой.

Хорошо, что с понедельника у меня отпуск. Гора никогда не идёт к Магомету, и пора уже Магомету привыкнуть.

До скорого свидания, Ирочка!

* * *

С тех пор, как наш славный экипаж покинул заколдованный лес, никто ни словом не обмолвился о невероятном происшествии. Я пытался, прямо и вскользь – бесполезно. Не проходили даже туманные, отдалённые намёки. Доктор Маша знала своё дело.

Ради спортивного интереса я пробовал записать свои мемуары. Всё как по нотам – рука выводила непонятные каракули, достойные дауна среднего уровня развития. Левая рука, которой я в своё время тоже научился писать, не отставала от правой.

Я даже попробовал отпечатать текст на компьютере – вдруг хоть какая-то лазейка осталась? Пальцы бойко колотили по клавишам, но когда я попробовал просмотреть текст, мне стало нехорошо. «Ахыр аыай», и так далее. И только одно слово в тексте имело смысл – Иолла.

Вероятно, мои друзья испытывали те же проблемы с мемуарами. Я не знал.

Не вспоминалась и дорога к затерянному в гуще леса старому скиту. Но всё остальное запомнилось намертво.

Подумаешь, потеря – дорога. Найдём!

* * *

– ...Простите, могу я видеть Геннадия Александровича?

Секретарша оторвала свой взор от текста на экране компьютера и спросила так, как это умеют секретарши: вежливо, но с еле заметным холодком, должным обозначать дистанцию между людьми, облечёнными полномочиями, и людьми простыми.

– Вы договаривались о встрече?

Ого! Не так это, оказывается, просто, попасть на приём к господину Меньшикову. Как там его охарактеризовал дед Иваныч: адвокат и акула бизнеса?

– Ни в коем случае. Но увидеться нам необходимо сегодня.

Твёрдость и уверенность клиента почти всегда благотворно влияют на секретарш.

– Одну минуту, – смягчилась она. Нажав на клавишу селектора, спросила. – Геннадий Александрович, к вам... – она вопросительно посмотрела на меня, и я торопливо подсказал – Белясов Роман Романович. Нет, как раз окно. Да, хорошо, – и уже мне. – Присядьте, пожалуйста. Сейчас Геннадий Александрович закончит с посетителем и вас примет.

Ждать пришлось недолго, минут десять. Из кабинета выкатился шариком какой-то толстяк, на ходу вытирая лоб смятым платком. Вероятно, разговор был серьёзный.

– Проходите, пожалуйста, – это мне.

Я вошёл в кабинет, попытавшись плотнее закрыть за собой дверь. Не вышло, импортный доводчик двери мягко ограничил мои излишние усилия. Доводчик был прав – не надо излишне напрягаться, вредно для дела. Ладно, попробуем.

За стандартным офисным столом сидел мой давний знакомый, Геннадий Александрович Меньшиков, адвокат и акула бизнеса. Тайный агент инопланетной спецслужбы.

Именно сидел за столом. Я достаточно нагляделся на крупных боссов, и могу смело утверждать – редко кто из них в присутствии рядового посетителя сидит за столом, большинство восседает.

– Здравствуйте, Роман Романович. Прошу, присаживайтесь. Слушаю вас внимательно.

Не узнал, что ли?

– Здравствуйте, Геннадий Александрович. Дело вот в чём...

Дальше мой язык отказывался излагать дело. Психоблокада. Меня же предупреждали. Ладно, попробуем сказать иначе.

– Я хотел бы...

Но это я хотел. А язык мой не хотел.

– Мне необходимо...

Да, мне необходимо. А языку моему до лампочки. Доктор Маша к работе относится серьёзно.

Геннадий Александрович внимательно слушал меня. И вдруг меня прошиб пот. А что, если он обладает даром телепатии только со своими, такими же? Дед вроде понимал... но то дед, а тут?

Если так, всё пропало. Я никак не смогу объяснить ему, что мне необходимо, нет, не нужно, и даже не нужно позарез, а именно необходимо видеть её глаза. Ещё хоть раз, а дальше будет видно.

Геннадий Александрович внимательно разглядывал меня, чуть наклонив голову набок. Как интересный экспонат с выставки дураков. Вот сейчас он тепло попрощается со мной и пожелает дальнейших успехов.

Я с мольбой поднял глаза, встретив его чуть насмешливый взгляд. Ну помоги, человек ты или кто?! Я не могу не видеть её, понятно тебе, акула бизнеса?!!

Насмешка в глазах пропала, но глаз он не отвёл.

– А ты не дуришь, Рома?

Я выдержал его взгляд. Раз читает мысли, поймёт.

Теперь он опустил глаза. Задумчиво побарабанил пальцами по столу. Я только сейчас увидел – на безымянном пальце правой руки красовался изящный перстень, с необычным камушком. Или совпадение?

– Выдали в связи с обострением обстановки. Бережёного бог бережёт, – усмехнулся Геннадий, своими словами окончательно признавая меня за своего.

Я чуть расслабился. Раз признал, как-нибудь поможет. Да отвези меня туда, всего и делов! Ты же знаешь дорогу, разве нет?

Взгляд Геннадия опять стал насмешливым.

– Типично русский подход к проблеме. Всех кругом перехитрит умный доктор Айболит. Раз-два, и в дамки!

– А что мешает? – не выдержал я.

Его взгляд вновь стал серьёзным.

– Многое. Во-первых, там не санаторий для душевнобольных. Во-вторых, дорогу я найду без тебя, а с тобой буду кататься долго и зря. Ты не считай их за простачков. И в-третьих...

Он замолчал, вертя в руках карандаш. Я угрюмо спросил:

– Так что же в-третьих?

Он прямо взглянул мне в глаза.

– А в-третьих, Рома, проблему эту тебе придётся решать самому. А не решишь – значит, и нет у тебя такой проблемы.

Я со вздохом поднялся.

– Извини, что побеспокоил.

Он наконец-то немного смутился. Правда, совсем немного.

– Зря обижаешься. Я действительно не могу тебе здесь помочь. И не ищи Хруста – ответ будет тот же. Ты вот что... Дорога на займку к деду тебе не заказана. Он имеет право и возможность тебе помочь. Если ты его убедишь, конечно. Как звать-то, помнишь?

Я протянул ему руку.

– Спасибо тебе. Нет, правда, спасибо.

Он пожал мне руку, улыбнулся.

– Каких только диких сюжетов не выдумает старушка жизнь. И знаешь что... я всё-таки пожелаю тебе удачи в абсолютно безнадёжном деле.

* * *

– Эй, ребята, как проехать на кордон? Дымов Пётр Иванович там проживает, или как?

Июльское солнце жарило сквозь ветровое стекло моей старенькой «шестёрки», и слабенький бриз с Селигера не мог облегчить жару. Малышня, по случаю жаркой погоды сидевшая по шею в воде, заинтересованно выбралась на берег и обступила машину со всех сторон.

– Дяденька, это вам надо туда ехать! Нет, туда! А там дальше! Нет, там дальше!

Всё-таки есть ещё люди в русских селеньях. Московские уличные пацаны с ходу запросили бы пять баксов. Или десять, за особо ценную информацию.

– Спасибо, ребята!

Я ехал к деду Иванычу с надеждой. Неужели не поймёт?

Машина въехала в лес, и жара сразу ослабела. Я с жадностью вдыхал запахи летнего леса, прогретого солнцем. Ветки то и дело хлестали по открытому окну, и сорванный берёзовый листок прилип к моим губам. Я поймал норовящий ускользнуть листок языком, разжевал и проглотил, стараясь унять волнение. Всё будет хорошо.

Наконец впереди появились крыши лесного кордона, утопающие в зелени. Я подъехал к воротам, немногим уступающим по размерам воротам того скита (гляди-ка, и петли бронзовые! Богато живёт дед). Забора было не видать, кругом буйно разрослись колючие кусты можжевельника, проросшие крапивой. Я пригляделся – кое-где сквозь зелень проглядывала колючая проволока «егоза». Круто живёт дед.

Ворота были закрыты. Ничего удивительного, у Петра Иваныча Дымова масса хлопот, и сидеть на кордоне ему особо некогда. Ладно, подожду.

Я уселся поудобнее, открыв водительскую дверцу, достал бутерброды с сыром и флягу с водой. Я вдруг отчётливо представил себе, как за столом в сказочном тереме, совсем уже недалеко отсюда, сидят ангелы, уплетая шаньги, запивая молоком из высоких стеклянных бокалов, безмолвно беседуя меж собой. Дед Иваныч щурится, пряча улыбку в густой бороде, и моя Ирочка смешливо фыркает, глядя поверх стакана.

Я будто на проволоку налетел. Моя Ирочка. Когда это она моей стала? Голова перегрелась, не иначе.

Я неторопливо жевал бутерброд, размышляя. Усмехнулся. Моей голове перегрев не грозил. Куда дальше-то сходить с ума – некуда. Сам факт моего появления здесь свидетельствует об этом со всей очевидностью.

Ладно, с дурака какой спрос. Поэтому я могу твёрдо заявить – да, моя Ирочка. Пусть не в физическом смысле. Чего притворяться – она стала частью моей души, значит, меня самого. И даже если наше свидание будет последним (мысли о том, что оно вообще может не состояться, я теперь просто не допускал), она моя.

Тут я заметил, что размышляю о смысле бытия не один. Среди спутанных ветвей блестели фосфорическим блеском внимательные кошачьи глаза. Здоровенный тёмно-серый котяра удобно разместился в зарослях и бесстыдно разглядывал меня. И как он там ходит, там же ещё и «егоза»! Мне стало жутко при одной мысли о том, что можно лезть в такие заросли, но кота это, по всей видимости, не смущало.

– Кис-кис... – глупо, конечно. Котяра только чуть прижмурился, не двинувшись с места.

Второй наблюдатель обнаружился в ветвях мощного кедра неподалёку. В тени сидела крупная серая ворона. Она делала вид, что я её совершенно не интересую, поворачивая голову боком. Очень сильно я её не интересую.

Ладно, не будем отвлекаться. Смотрят и смотрят. Когда же дед Иваныч вернётся? А что, если он там и заночует? У него же тут, похоже, ни коровы, ни козы, вообще никакой живности. Кот не в счёт, его доить-поить не надо.

Я доел бутерброд, отряхнул крошки. Завинтил флягу. Не помру, заночую в машине. Хоть две ночи, хоть три.

* * *

Меня разбудил громкий собачий лай. Я открыл глаза. В боковое стекло, наглухо закрытое для защиты от комаров, царапался Казбек. За ним, заслоняя яркое утреннее солнце, памятником Петру Первому возвышался дед Иваныч, верхом на Чалке.

– Здорово, Рома! Чем, значит, обязаны столь раннему визиту?

Я моргал против света. Непохоже на деда, и слова не его, и интонация не слишком любезна.

– Здравствуй, Пётр Иванович.

– Здоровее бывали. Ладно, излагаю вопрос проще. Чего припёрся?

Я усмехнулся. Простейший психологический приём. Если обижусь – значит, праздный турист, решивший возобновить приятное знакомство. Человек с серьезными намерениями обижаться не станет.

Дед Иваныч кашлянул.

– Ладно, разберёмся. Давай загоняй свою колымагу во двор.

* * *

Мы сидели на чисто прибранной веранде, пили чай. Казбек дисциплинированно лежал рядом с хозяином, по обыкновению высунув язык.

Всё-таки разговаривать с умным человеком одно удовольствие, а с телепатом так даже два. Я вкратце изложил деду свою беду, стараясь поначалу выглядеть достойно, но голос предательски дрожал, да и дед видел мои мысли насквозь, и я махнул рукой – бог с ним, с достойным видом. Я вкратце пересказал ему свой визит к Геннадию. Ну, что скажешь, дед?

Дед Иваныч молчал долго, сопел. Потом пошёл куда-то, вернулся с кисетом и трубкой. Я наблюдал за ним с долей удивления – мне-то показалось, что он не курит.

Дед долго, ожесточённо набивал трубку. Чиркнул спичкой, затянулся и закашлялся. Бросил трубку на стол.

– Ясное дело, не курю, почитай, с войны. Да тут и лошадь закурит. Слушай, Рома, у меня такое впечатление сделалось, что это тебя тогда машиной долбануло, с отягчающими последствиями. Ты в шахматы, часом, не играешь?

– Играю маленько. При чём тут? – я растерялся.

– А при том, что раз играешь, должен уметь просчитывать ходы хоть на чуть вперёд. Ну как ты себе это всё представляешь?

– Я не знаю. Я должен её увидеть.

– Ну увидел, а дальше? Про здоровье спросишь, про погоду? Или в кино пригласишь, а не то в ресторан?

– Я не знаю, Иваныч. Я должен её увидеть.

Дед снова схватил трубку, досадливо бросил. Шумно глотнул остывший чай.

– Эк тебя угораздило, парень. Но я таки повторяю вопрос – что дальше? После того, как о здоровье спросишь да в глазищи её разок поглядишь – что потом?

Я попытался улыбнуться и не смог.

– Я не знаю, Иваныч. Но могу предположить, что потом мне надо будет увидеть её ещё раз. И ещё. И так до смерти. Я буду с ней рядом, Иваныч, хоть как.

– Та-ак, ещё гуще. У Уэфа с Машей, значит, намерен просить руки ихней дочери. Не в загс ли вести собрался? Ладно удумал – она, значит, вся в белом, и крылья за спиной, вместо фаты. И ты во фраке – жених хоть куда! А потом она тебе, значит, штаны утюжит да яичницу жарит, а ты телевизор глядишь!

Теперь дед был просто страшен. Наверное, таким его видели лишь эсэсовцы-каратели перед своей смертью.

– Ну а об остальном-прочем и помыслить невозможно. Может, ты и не дорос своим умом, что хоть у нас, хоть у них вместях живут не только для того, чтобы в глаза смотреть. Дитёв чтобы растить, и спать вместе, дурья башка!

Я смотрел в угол. В углу стояло дедово ружьё. Хорошая штука, карабин СКС.

Может, это выход?

Я прямо посмотрел деду в глаза. Казбек зарычал.

– Застрели меня, Иваныч. Или я должен быть с ней.

Дед дышал тяжело, со свистом, придерживая глухо рычащего Казбека за шкуру. Ошейника не было.

– Ты напости мне, как это называется? Не знаешь?

– Педофилия? – я криво улыбнулся.

– Да нет, легко отделаться хочешь, парень. Кажись, зоофилия, ежели учесть, что роду она не человеческого.

Он помолчал, постепенно успокаиваясь, и Казбек, почувствовав это, затих.

– Я уже молчу о том, что она сюда, значит, не на каникулы к папе-маме прибыла. У неё работа, понимаешь? Они, вот эти шестеро, да их товарищи, наш род спасают. Человечество, понял ты или нет? Горсть их всего на Земле-то, и такую ношу тянут!

Дед ещё помолчал.

– Эх, и зачем тогда вам память-то оставили. Добрые они, понимаешь, и Маша с Ирккой в особицу. Сидел бы ты сейчас с удочкой, на поплавок глядел – и нет проблем, как Колька-Хруст говорит.

Он окончательно успокоился.

– Ладно, помогу чем смогу. Отведу тебя завтра, Маше разъясним ситуацию, она поможет. Сотрёт тебе ненужное, вправит мозги, значит.

Последнюю фразу дед произнёс с явным сомнением. Я усмехнулся.

– Добрый ты, Иваныч, спасибо тебе. Только я не дам убить свою любовь – это ты понимаешь? Там как сложится, а это моё. И не ори на меня зря, я ни в чём не виноват.

Но дед уже улыбался в свою бороду.

– Ладно, не виноват и не виноват. Твоя правда. Но только и Ирка не виновата, что ты ей на пути, значит, попался, такой олух.

– Я только увижу её, а там как она скажет, так и будет. Не захочет меня видеть – что же, так тому и быть.

Дед Иваныч рассмеялся, хлопнул себя по коленям обеими руками.

– Олух и есть. Ты когда-нибудь пробовал пройти мимо бездомного котёнка, коли он за тобой бежит и мяучит? А она, Ирка-то, доброты безмерной, не чета нам, да и ты не котёнок всё же, а человек разумный, по крайности, был недавно. Сможет ли она смотреть, как человек из-за неё засыхает на корню?

Дед одним глотком допил холодный чай.

– Измучаешь ты её, Рома, зазря измучаешь. И тебе легче не станет. Езжай-ка домой, очень тебя прошу.

Я смотрел ему в лицо.

– Ты очень любишь её, Иваныч?

Наконец-то он растерянно заморгал глазами.

– И несчастной её не делаешь, правда? Почему же ты думаешь, что это сделаю я?

Дед подумал секунд пять, и из него будто выпустили воздух.

– Понял я, к чему клонишь. Останусь, дескать, на базе, буду помогать по хозяйству, ватрушки стряпать или ещё там чего. И каждый день буду глядеть в прекрасные Ирнины глаза. Не так?

Я рассмеялся, и удивился сам, что могу.

– Ты сильно упрощаешь, Иваныч.

– Нет, Рома, это ты сильно упрощаешь. Кухонный мужик им не нужен, а уж Ирке тем более. И не путай меня, старого, с собой. Бывает любовь и любовь. Ты же тут на роли Ромео, значит, а ей роль Джульетты отвёл. Чем там кончилось, помнишь?

Вон как заговорил дед. Высокий стиль.

– Мудрый ты, дед. Тогда скажи, что делать.

– Сказал уже. Оставь ты её, Христа ради, не мучай!

Я молчал. Чего зря болтает? Взял бы карабин, да и дело с концом.

– Ладно, вижу, не убедил я тебя. Но так как Ирка мне вместо внучки, то и участвовать в твоей затее я не намерен, значит. Жаль мне тебя, да ведь ты всё одно человек пропащий, так хоть Ирку за собой не утянешь. Уезжай.

* * *

Машину трясло на колдобинах. «Шестёрка» – не УАЗ, и я не такой «профи», как Эдик. И вытолкнуть меня в случае чего будет некому.

Ещё позавчера я покинул гостеприимного Иваныча. Бензина у меня было хоть залейся – четыре двухведёрные канистры, плюс полный бак. Будто знал, залился в Осташкове.

Второй день я мотаюсь по здешним просёлкам, ищу поваленное дерево. Правда, если верить деду Иванычу, это даже не полдела, от силы четверть. Но надо же с чего-то начинать.

К исходу второго дня я вдруг осознал, что не узнаю мест, где проезжал недавно. Точнее, не запоминаю дороги. Психоблокада, а выражаясь по-простому, заклятье, действовало безупречно.

Я остановился, задумался. Дело становилось всё сложнее.

Ладно, попробуем иначе. Я открыл багажник. Точно. Вот он, моток ярко-красной ленты. Большой моток. Должно хватить.

Я отрезал короткий отрезок, подошёл к придорожному дереву и аккуратно привязал ленточку, так, чтобы была на виду.

* * *

К исходу второй недели ленточки были развешаны по всему окрестному лесу. За это время я трижды мотался в Москву – снял деньги со счёта, закупил провизии, взял спальник и кое-какие туристские принадлежности. Да, ещё бритву «Браун», на батарейках, и шнур к ней, приспособленный к гнезду прикуривателя. Я имел представление, во что превращается человек в лесу, и не мог допустить, чтобы моя Ирочка увидела перед собой лесного зверя, нет, хуже – вонючего бомжа. Поэтому я каждое утро аккуратно брился, менял бельё и совершал омовения в Селигере, точно индус, хотя вода постепенно становилась всё холоднее – начался август.

Лента подходила к концу, а результат был нулевой. Может, придумать что ещё?

Я резко затормозил. Дорогу преграждало здоровенное поваленное дерево.

Радости не было, лишь твёрдая уверенность – иначе и быть не могло.

Я оставил машину на дороге, достал из багажника рюкзак. Начал складывать консервы, спальник, надувной матрас, фонарь. Да, чуть не забыл красную ленту...

Как тогда дед сказал – «можно пешком попробовать, ежели ума негусто»? Вот я и попробую.

* * *

– Растёшь над собой, парень!

Дед Иваныч стоял надо мной, смотрел, как я выбираюсь из спальника, рядом жарко дышал верный Казбек. Я не стал отвечать. Не хочешь помочь, так хоть не мешай, и за это спасибо.

– Я к тому, что Тезей – слышал о таком? – ну вот, покуда по Лабиринту шастал, нитки сплошняком клал. А ты, как человек продвинутый, современный, стало быть, это дело рационализировал. Большая экономия получается.

Зря смеёшься, дед. Грешно смеяться над больным.

Дед смущённо крякнул. Уловил мысль.

– Ладно, Рома, извини. Только кончай красные тряпки по всему лесу развешивать. Этак ты мне волков приучишь, потом сладу с ними не будет.

Я молчал. Что мне до волков?

– Знает она о твоих изысканиях, Рома. Хотел я утаить, каюсь, впервые в жизни совершил служебное преступление, значит. Да разве от них что утаишь? Хоть как старайся, мысли в голове не задавишь.

Я молча сооружал костёр. Некогда мне, дед, неужели не видишь?

Дед снова крякнул.

– Ты вот что, Рома, айда ко мне. Придёт она.

Я медленно сел, опустил руки.

– Когда? – голос хриплый, дрожащий.

– Да хоть сегодня. Как раз дежурство её.

– В сторожку твою?

– Да куда хочешь. Можно и в сторожку, я мешать не буду, уйду. Насмотришься в её глазищи. Может, и все точки расставите, хоть и не верю я.

Я вдруг рассмеялся.

– Послушай, ведь она сегодня дежурит, значит, будет делать обход, или облёт, или что там? Так чего проще, я рядом с базой, в двух шагах. Не пойду я, дед, здесь останусь.

– Ну, как знаешь. Чем гостью угощать-то будешь?

Я молча поднял глаза. Дед снова крякнул.

– Ладно, дело твоё.

* * *

Костёр горел, чуть потрескивая. Косые солнечные лучи прочерчивали лесной сумрак, и плывущий меж деревьев дым принимал причудливые очертания – слоился, струился и закручивался маленькими вихрями. На землю спускался тихий вечер.

Где-то в ветвях, почти над головой, захлопала крыльями птица. Я заозирался – крупная птица, глухарь, что ли?

Мощный порыв ветра чуть не загасил огонь, поднял клуб золы, и я закашлялся. Поднял глаза. На крохотной полянке, где я обосновался, в двух шагах дрожало зыбкое марево. Секунда – и воздух словно вскипел, запузырился. Вот и она.

Ирочка стояла, наклонив голову набок, и внимательно, чуть виновато смотрела на меня, теребя на шее хрустальные бусы, свой маскирующий прибор. Я шагнул к ней прямо через костёр, даже не заметил. Как тогда, бухнулся на колени.

– Вот и ты. Ты сказала – до свидания. Я пришёл.

Сияние глаз, в упор.

– Здравствуй, Рома. Не говори ничего. Давай сядем.

Мы сели – я на остатки мелкого хвороста, она на мой спальник. Ирочка села по-турецки, потом перехватила мой взгляд. Усмехнулась, села по-другому, подтянув длинные ноги и обхватив колени руками. Крылья развернулись, прикрыли её будто плащом.

– Это я виновата. Ведь я тогда уже почувствовала, за столом. Надо было мне тихо исчезнуть, пока процесс не стал необратим, как говорит мама.

Верно. Похоже, процесс необратим. Да только где тут вина, и чья? Да спасибо тебе за то, что я узнал любовь.

Глаза в глаза. И нет сил оторваться, Да и желания такого нет. Я наркоман, и ты мой наркотик.

– И что дальше, Рома?

Да, конечно. Дед прав, не в ресторан же её вести.

Она коротко рассмеялась, уловив мысль.

– Я не люблю вида расчленённых трупов животных. Тем более пьяных людей.

Я беспомощно молчал. До сих пор передо мной стояла конкретная задача – найти её. Дальше покажет бой. Что покажет?

Она тряхнула золотистыми кудряшками, прикусила губку.

– Ладно, беру командование на себя. Тут у меня остались кое-какие дела, а потом я до утра совершенно свободна. Ты не уходи, я скоро.

Я хлопал глазами. Она что, хочет заночевать со мной у костра, в лесу?

– А что такое? Сейчас лето, ты одет достаточно тепло, а мне одежда и не нужна. Плюс костёр. Посидим. Нам обоим надо про себя кое-что понять, Рома.

Она поднялась, легко ступая, вышла на край поляны. Я любовался ей.

Она метнула мне смеющийся взгляд.

– Рома, Рома. Что же ты такую полянку выбрал маленькую? Взлетать вертикально знаешь, как трудно!

Огромные крылья развернулись, переливаясь на солнце. Сейчас запузирится, закипит воздух, и она исчезнет. Только летнее марево останется, да и то на миг.

Ирочка медленно, плавно подняла руки над головой. Огромные крылья с силой взмахнули, подымая маленький ураган. Она подпрыгнула и с шумом унеслась вверх, точно взлетела радуга. Первый раз я увидел взлёт без маскировки. Понятно – хотела доставить мне маленькое удовольствие.

В груди было тепло и щекотно.

* * *

– Ну вот и я. Продолжаем разговор?

Как она возникла тут, я и не заметил. Ни звука, ни ветерка. Выходит, и так она может. Как там – телепортация, вроде?

Она смеётся.

– Слишком роскошно было бы, Рома. Всё проще. Я села там, – она махнула рукой, – а то тут у тебя места мало. Ещё в костёр угодишь.

Я старался держаться как можно естественней.

– Ну что, включила своих дендроидов? – гляди-ка, и с голосом справился.

– Их и не выключали. Я смену сдавала.

– А они меня не порвут?

– Не бойся, я не дам тебя в обиду.

Она села на расстеленный спальник, ловко подвернула ногу.

– Не люблю ходить пешком, по лесу особенно. Глянь, ногу занозила, пока к тебе добиралась.

Она протянула ногу мне так бесподобно-доверчиво, что у меня ёкнуло сердце. Нет, нечеловеческий жест, люди так не могут. Я взял её узкую ступню, горячую, с длинными, нечеловеческими пальцами.

– Вот, между пальцами, – она пошевелила пальцами ноги.

Я наклонился ближе. Между большим, чуть оттопыренным пальцем, и указательным (интересно, а есть ли на ногах указательный палец?) торчала небольшая заноза. Я осторожно вынул её – хорошо, что отросли ногти – и хотел уже отпустить ногу. Но пальцы ступни вдруг плотно схватили меня за запястье. Я непроизвольно дёрнулся – рука сидела мёртво, как в колодке. Нога плавным, нечеловеческим движением повела мою руку вниз, выворачивая на излом.

Я посмотрел на Ирочку. Лазурные глаза смотрели напряжённо, серьёзно. Глупенькая моя. Любимая.

– И этим ты хотела меня отпугнуть?

Она шумно вздохнула, выпустила мою руку.

– Сдаюсь. Глупо, конечно. Да, я думала тебя напугать. Обычно люди боятся всего нечеловеческого.

Я сел рядом с ней.

– Я не испугаюсь тебя, не надейся. Даже если вдруг ты покажешь мне клыки.

– Вот клыков нету. Ты расстроен?

– Ужасно.

Я встретил её смеющийся взгляд. Всё напряжение последних недель вдруг прорвалось, и я захохотал. Мы смеялись, как чокнутые, валясь друг на друга, пока не перехватило дыхание и не закололо в боку.

* * *

– Будем смотреть правде в глаза. Мы действительно чокнутые, как ты помыслил, и отрицать это глупо. Сумасшествие заразно, и ты меня заразил, бестолковый.

Сумасшедший смех будто снёс разделявшую нас невидимую стенку, и мы сидели у костра, тесно прижавшись друг к другу. Я обнаружил вдруг, что моя рука лежит на плече Ирочки, вернее, на верхнем суставе крыла. И когда успел? Очевидно, Ирочке так было неудобно, и она совершенно естественно взяла мою руку и переложила себе на настоящее плечо. Я никогда ещё не был так счастлив.

Однако и чокнутым надо жить дальше. Как? Нет, не сейчас. Завтра.

– Расскажи мне о себе, – попросил я.

Она полуобернулась ко мне. Сияющие глаза оказались рядом, и я снова потянулся туда, в эту бездну. Долгий, тягучий поцелуй. Чуть не до крови. Как ей это удаётся? Ведь у неё такие маленькие губки!

Она смешливо фыркает, читая мои мысли.

– Я кровожадная. Ладно, что бы ты хотел узнать? Думай, я отвечу.

Она поудобнее разместила мою руку на своём левом плече (сидела слева от меня), и вдруг на мою спину бесшумно легло её правое крыло, накрыло, как плащом. Господи, хорошо-то как!

Она смеётся.

– Тебя действительно невозможно ничем напугать. Так хоть удивился бы!

– Я не могу. Я же знаю тебя тысячу лет. Так было всегда, чему удивляться?

Она смотрит мне в глаза. Я тону в этом сиянии.

– Знаешь, и у нас никто не живёт тысячу лет. Но мне кажется то же. Ты был всегда.

* * *

Костёр горел неярко, выбрасывая немногочисленные робкие искры, тут же гаснувшие. Я сэкономил дрова – до утра далеко, а сама мысль о том, чтобы оставить Ирочку и заняться сбором хвороста, казалась мне невыносимой. Да лучше сидеть в темноте!

– ... Я последняя. А до меня была моя сестра Иуна – так тебе понятней. Это до здешней вашей второй мировой войны. Она очень славная, только чересчур любит воспитывать. Она и стала воспитательницей. Да, да, воспитательницей. Ничего ты не понимаешь, там знаешь, какой отбор! А брата родили ещё там, когда папу и маму только готовили к забросу. Семь лет по-вашему, чего время терять?

А меня всегда тянуло на Землю. И к людям я привыкла с раннего детства, когда ещё тут, – она пошевелила крылом, – култышки были. У нас дома фильмов про Землю больше, чем своих. И мама с папой всё время выходили на связь с Землёй, так что деда Иваныча я узнала ещё заочно. Да и у нас дома бывали чаще всё такие же, Иого бывал, Аина с Кио, и другие – многие и сейчас здесь, на Земле, только на других базах.

Так и я заболела Землёй. И людей полюбила. Нет, никогда мне люди безобразными не казались. Тебе же Казбек не кажется безобразным, раз не похож?

Сравнение показалось мне немного обидным. При чём тут Казбек? Он пёс, а я человек. Есть же разница!

Ирочка уловила мою мимолётную мысль, и её глаза опять заискрились от смеха.

– Ты безусловно лучше, успокойся. И даже чуть умнее. Казбек искал бы меня по запаху, а ты додумался до ленточек.

И мы снова валимся от хохота.

Я счастлив. Окончательно и бесповоротно.

* * *

– ... А в первый полёт всегда провожают папа и мама. С обеих сторон страхуют. Страшно было! А потом, когда я уже подросла и летала сама, однажды залетела далеко над морем. И чувствую – нисходящий поток, так и жмёт к воде. Я испугалась, и давай маму звать. Ну конечно, телепатией – не голосом же! Главное, спасателей можно было вызвать, а я маму. Мама, я не могу держаться, не могу лететь! И мама сказала мне – успокойся, просто надо лететь быстрее. Я это на всю жизнь запомнила. Если больше не можешь лететь – надо просто лететь быстрее.

У меня давно вертелась в глубине подсознания занудно-школярская мысль: как они летают, при такой комплекции? Тоненькая такая, а где же могучие маховые мышцы?

Она заливисто смеётся, закинув голову. Я смущён – не хотел же спрашивать, сама прочитала.

– Ладно, Рома, открою тебе страшную тайну. Могучие мышцы имеются, только они внутри грудной клетки. Успокойся, и лёгкие есть, хоть и устроены не так, как у людей. И даже сердце. Про детородные органы расспрашивать будешь? Нет? Я тебе так благодарна!

На этот раз смеёмся мы оба.

* * *

– ... А это тебе зачем?

Ирочка серьёзна, как никогда. Даже глаза потемнели.

– Ладно, расскажу. Мы не одни работаем на Земле. Те, кого ты назвал маленькими зелёными человечками, тоже работают. Только они не всегда маленькие, и тем более зелёные. В технике биоморфов они ушли дальше нас. Почему? Да потому, что у нас мало кто этим интересуется. Наша цель – счастливые... ну ладно, члены общества. Счастливые, свободные, красивые и добрые. Да, это главное. Кому нужны высокофункциональные монстры? И техника нужна лишь постольку, поскольку. А у них наоборот: цель общества – технологический прогресс, всё остальное неважно.

И здесь они пытаются наводить свои порядки. Нет, они не хотят вашего уничтожения, что ты! Высшая ценность Вселенной – разумная жизнь, это и они понимают. Да только понимают по-своему. Холодный, могучий, беспристрастный разум – вот их идеал. Биороботы? А почему нет, если они будут умнее?

Вот и из человечества они, дай им волю, сделали бы себе полезных деловых партнёров. Использовали бы.

Ты только представь, Рома – мир холодного разума, где никто никого не любит, где даже слова такого «любовь» не знают! Кругом только нужные члены общества, а если точнее – временно нужные. И новых членов общества выращивают в инкубаторах – ни пап, ни мам.

Есть такой закон Элу-Лао, он утверждает, что разумные существа, не любящие своих детей, обречены на деградацию и в итоге гибель. И зелёные человечки, как ты их назвал, этому подтверждение. Как они лелеют и холят свой холодный разум! А результаты так себе. Их цивилизация древнее нашей, а телепортацию толком не освоили, и не смогут, теперь уже ясно. И связь у них барахло, и техника громоздкая. А телепатии вообще нет, оно и понятно – тогда все подлости скрывать будет невозможно. И не развиваются уже многие сотни лет. Только и научились, что выращивать своих чудовищ.

Они же все несчастны, Рома, и считают своё состояние нормальным и хорошим. Благополучие вместо счастья. Но это бы полбеды. Ладно, хочешь быть несчастным – будь им. Но они и других незрелых стараются направить на свой путь. Да, и людей. И они жестоки и безжалостны. Они всем чужие – и нам, и вам, и друг другу, и каждый сам себе. А сколько трудов наших они загубили!

А папа говорит: по крайней мере, иногда мы с ними работаем в одном направлении. Вот ядерную войну предотвратили же. Этого и им не надо.

Хватит о них. Не хочу. И тебе лишнего наговаривать не хочу, да и права не имею. Этими... существами у нас занимается служба внешней безопасности. Всё, тема закрыта!

Я уже жалел, что затронул эту тему. Чтобы утешить её, осторожно, но крепко обнял. Она медленно оттаивала, в глазах снова заплясали искорки веселья.

– Ладно, любопытство не порок. Давай спать.

Я вздохнул. Как скоро! Увидимся ли мы завтра?

– Нет, Рома, завтра никак, работа. Но ты не расстраивайся. Я до утра здесь буду.

– Чего?

Я в замешательстве хлопал глазами. Я не ослышался? Мы будем спать вместе?

В её глазах бесился смех.

– Ты не очень интересовался моими половыми органами, и это даёт мне некоторую надежду. Скажи, я не буду истерзана диким зверем?

Вот до чего, оказывается, бесстыдными бывают ангелочки. Сроду бы не подумал!

* * *

Костёр угас, и только россыпь углей ещё рдела, точно россыпь сказочных рубинов.

Я лежал на спине и плавился от счастья. На моей груди тихонько посапывала Ирочка, и я боялся пошевелиться.

...Когда стали устраиваться на ночлег, я не знал, как себя вести. Это что же, мы полезем оба в спальный мешок? Или я на матрасе, а она в мешке? Или она хочет спать на голой земле, нагишом?!

Но Ирочка и тут взяла командование в свои руки. Она попросила, чтобы я лёг одетым поверх надувного матраса и спальника, и когда я улёгся, спокойно и естественно расположилась на мне. Крылья слегка распустились, укрыв нас обоих. Сразу стало тепло и уютно.

Я не боялся теперь ничего. На моей груди спало моё любимое существо, единственное во всей Вселенной.

Ирочка вздохнула, повозилась, устраиваясь на мне поудобнее. Тонкая рука обвила меня за шею. Я осторожно обнял её обеими руками, под крыльями. Она не возражала. Какое всё-таки горячее тело. Она не заболела? А какая вообще температура у них в норме? Может, я слишком холодный для неё? А если её комары закусает? Голая же!

Она смешливо фыркнула, уже засыпая.

– Комаров здесь нет – дед постарался. И я не заболела. Нормальная температура по-вашему тридцать семь и пять. И ты завтра легко её достигнешь. Если вздумаешь сползти с матраса. Да спи уже!

* * *

Солнечный свет проникал прямо в голову, собираясь в мозгу в упругий, тёплый, пушистый шар. Под веками плавали размытые цветные пятна – красные, зелёные, жёлтые, они сходились и переплетались. И наплывал со всех сторон мягкий, настойчивый шёпот.

– Откройся...

Кто это? Почему?

– Откройся... ты можешь...

Тёплый шар медленно, осторожно перекачивался в голове.

– Откройся... пора...

Взрыв в голове! Я разом проснулся.

Ирочка полулежала на мне, как на диване, зажав мою голову твёрдыми ладонками, и смотрела мне прямо в глаза. Лицо блестело от пота, нижняя губка закушена, и бровки были выгнуты. Её била мелкая, нервная дрожь. А глаза прожигали насквозь неистовым сиянием.

«Отвечай! Ты слышишь!»

– Что отвечать? – тупо спросил я. И только тут понял, что она не произнесла ни слова.

Бровки расслабились, и она в изнеможении упала на меня.

– Получилось...

Ирочка вдруг вскочила и закружилась, крылья развернулись и подняли настоящий вихрь.

– Я сумела! Сама! И ты смог! Сам!

Я спросонья ошалело озирался. Рассвет еле пробирался сквозь верхушки деревьев, и в лесу плавал густой туман, заполняя маленькую поляну, как стакан молоком. Откуда же такой свет?

Понимание пришло разом. Это что, я теперь телепат? Мысли могу читать?

В мозгу внезапно возник образ дедули, прислонившего к оттопыренному уху ладонь: «Ась?».

– Вот ты какой ещё телепат. Но начало есть. Дальше мама поможет. Теперь уже не откажет.

* * *

– Ты как хочешь, а я полетела купаться!

Я беспомощно смотрел на неё.

– Я не умею летать.

Она состроила презрительную гримаску:

– С кем я связалась! Даже летать не умеет. Где твои крылья, ну?

Я засмеялся. Меня она не могла обидеть, даже откусив мне ухо.

Она прыснула, уловив.

– Тут до воды с километр всего. Догонишь – будем купаться вместе. Бегать ты умеешь?

Бегать я умел. А если бы даже не умел, научился бы ради такого случая. Но была одна проблема.

– Понимаешь, если я отсюда уйду, то полянку эту не найду потом. Ты же знаешь, психоблокада. Мама твоя постаралась.

Она смотрит весело.

– Была вчера. А нынче кончилась твоя блокада. Ты теперь вольный человек. Мы сломали барьер, понимаешь?

Это было здорово.

– Жду тебя на берегу!

* * *

Вода была бодрящей, и после бега меня пробрали мурашки. Я выскочил на берег, приплясывая, начал натягивать рубашку.

Туман стоял над водой ещё гуще, чем в лесу. Ирочка, плескавшаяся в десяти метрах, была невидима без всякой маскировки. До меня доносился лишь плеск и хлопанье крыльев.

Она выскочила из тумана рядом со мной, шумно захлопала крыльями, стряхивая воду. Крылья сложились за спиной, и она запрыгала на одной ноге, наклонив голову, вытряхивая воду из уха.

– Всё-таки вода слишком тёплая.

Я любовался ей. Моя. Моё. В голове возник образ лебедя, плещущегося в озере.

Ирочка фыркнула, и образ лебедя сменился котом, осторожно трогающим лапой воду. Ответ понятен.

Я тоже запрыгал на одной ноге, стараясь натянуть плавки – я их снял перед купанием, неприятно потом ходить в мокром. Странно, мелькнула мимолётная мысль, ведь я должен её стесняться, а ничуть не стесняюсь. Как отражения в зеркале.

«Ничего странного, ведь мы знакомы тысячу лет, и ты привык ко мне» – пришла мысль извне. Её мысль. Да, это правда.

Ирочка рассматривала меня спокойно и внимательно.

– Интересно, вся кожа у тебя безволосая, ну так, рудиментарный покров кое-где, а где не надо – мех.

– Ты обратила внимание на мои половые органы. Это даёт мне некоторую надежду.

Она фыркнула и заявила моим голосом:

– Вот до чего, оказывается, бесстыдными бывают люди. Сроду бы не подумала!

И мы снова хохочем.

* * *

– Я есть хочу вообще-то!

Я как-то совсем забыл, что ангелы тоже должны есть. Живые же. А где-то в глубине проскользнуло нелепое: «ангелы святым духом питаются».

Ирочка опять фыркнула.

– Ни разу не ела святого духа.

Она уже вовсю шуровала в рюкзаке, вытаскивая на свет мои припасы, раскладывала на земле.

– Слушай, ты же хищник! Закоренелый хищник!

Да, действительно. Одна тушёнка. Впрочем, есть банка шпротов. Не пойдёт?

– Нет, не пойдёт. Ага, есть!

Она извлекла пару банок сгущёнки и банку оливок. Про них-то я и забыл.

Я вздохнул, взял котелок и пошёл за водой – чай вскипятить. Вода тут рядом, в полусотне шагов из земли пробивался крохотный родничок. Я и поляну-то вчера эту выбрал из-за источника.

Когда я вернулся, Ирочка уже разложила припасы на две кучки.

– Так, это мне, – она подвинула к себе две банки сгущёнки, банку оливок, начатую пачку галетного печенья, засохшую корку хлеба и приличный кусок сыра. – Остальное хищному зверю.

Я хмыкнул и начал сооружать костёр. Надо же, туман ночью какой был – береста отсырела, и зажигалкой не подпалишь.

Ирочка мельком взглянула, и костёр вдруг разом вспыхнул. Я отпрянул. Колдунья и колдунья.

Она засмеялась, показав мне перстень.

– Всё гораздо проще, Рома.

* * *

Мы завтракали молча. Аппетит был зверский. Я орудовал ножом, выскребая из банки тушёнку – ложку отдал гостю. Вторая банка, уже пустая, валялась рядом.

Ирочка не отставала от меня, энергично работая ложкой. Взглянула на меня, фыркнула. В моём мозгу тут же всплыл образ кота, поедающего мышь. Я даже почувствовал, как изо рта у меня торчат задние лапы и хвост этой мыши, и её вкус во рту. Я поперхнулся, закашлялся. Зачем мне такая телепатия?

– Хоть бы корку хлеба уступила!

– Хлеб – травоядным. Мне и так немного досталось.

Я с сомнением посмотрел на её долю. Не так уж мало для её роста.

– Ты не забывай, я же летучая. Знаешь, сколько надо калорий!

Перехватив мой взгляд, Ирочка засмеялась.

– Ладно, держи свою корку. Не такой уж ты хищный, как кажешься.

Она приканчивала сгущёнку, облизываясь. Вылитая школьница-третьеклассница.

– На курсах подготовки нас учили есть всякую гадость, вплоть до мяса. А так мы трупов не едим, и рыбных тоже. Ни сырых, ни варёных. Наши предки питались плодами деревьев, орехами всякими. Ну и насекомых ели, правда, и ещё птичьи яйца.

В моём мозгу возник образ глазастого крылатого существа, покрытого мехом. Только лицо было голым. Существо сидело на толстом суку дерева и смачно чавкало, поедая какой-то плод.

Ирочка вздохнула, отложила пустую банку. Облизала ложку.

– Неохота возвращаться домой. Ох мне и будет! Мама уже передала мысль, – она поёжилась, – а папа молчит пока. Не хочет портить мне свидания. Хорошо, что он сейчас не дома.

Меня охватило тоскливое чувство близкого расставания.

Её глаза стали грустно-виноватыми.

«Я ведь сперва отшить хотела тебя, Рома. Правильно сказала?»

«Нет, неправильно. Меня нельзя отшить»

«Я поняла. Почти сразу поняла. Когда ты не испугался»

«Это когда ты меня ногой схватила за руку?»

«Ну да. А потом я поняла, что и не хочу»

«Это когда я спросил про клыки?»

Она улыбнулась.

«Точно»

Она вдруг шагнула ко мне, прижалась. Я судорожно схватил её голову, прижимая к груди.

«Мы теперь не расстанемся, Рома. Я ещё не знаю, как это будет, но будет»

Она подняла глаза, сияющие теперь нестерпимым светом.

– Ладно, долгие проводы – лишние слёзы.

– Ещё пять минут...

– Пять минут мне мало, Рома. Я хочу всю жизнь.

Она мягко высвободилась из моих рук.

– Значит, так. По лесу ты больше не броди, езжай в Москву. Ты теперь должен меня слышать, правда, я не знаю, как далеко. Я тут сама, как это – а, разрулю. Правильно сказала? Коля-Хруст научил.

Я почувствовал ревность к Коле-Хрусту. Рэкет. И вообще, чему ребёнка учит!

Она опять смеётся.

– Это ты зря. Он очень хороший, но к нашей с тобой истории отношения не имеет. Да если хочешь знать, таких случаев, может, два-три за всю историю вашей Земли и было. Ну четыре, я точно не знаю.

Моё сердце взорвалось. Так, значит, возможно?!!

Её глаза печальны.

– Только все они кончились плохо, Рома.

Сердце ухнуло в ледяную пропасть. Так, значит. Я стиснул зубы. Ничего, мы ещё посмотрим. Всё равно, она моя!..

Она смотрит мягко, нежно. Такого взгляда я у неё ещё не видел.

– Я знала, ты не испугаешься.

Спохватилась, вздрогнула. На лице промелькнул ряд неуловимых, быстро сменяющихся выражений. Понятно, вызывают.

– Ты прав, Рома. Всё, ни одной минуты. Ты вот что, купи себе сотовый телефон, телепат ты пока тот ещё. И носи с собой всегда. Хоть какая-то связь.

– Какой купить?

– Да всё равно, лишь бы работал. Я тебя найду, скоро. До свидания!

Она отходит к краю поляны. Смотрит вверх, вздыхает.

– Ну как тут взлетать, из колодца такого? А я ещё и наелась!

Широко распахиваются крылья, по ним пробегает волна света. Изображение кипит, пузырится. Вот уже только марево на месте Ирочки. Вихрь задувает и так еле живой костёр. Всё.

И тут я вспомнил: она же хотела найти гнездо кукушки. А я даже не спросил.

Бесплотный голос в голове: «Ищем».

Работает, значит, телепатия. Далеко ли?

* * *

Я весело бежал по узкой лесной дороге, на ходу отмахиваясь от веток, вылезающих на проезжую часть. Бежать с рюкзаком за спиной – нелёгкое дело, но радость, расправившая меня, требовала выхода.

А, вот и знаменитая лужа-ловушка, как там – «с управляемым грунтом»? Надо же, не пересыхает, хотя дождя нет уже недели три. Тонкая работа. Только меня ты не поймаешь, хитрая лужа, я хитрее!

Меня разбирает озорство. Я беру длинную палку, осторожно сую в воду. Под тонким слоем воды чувствуется вязкая грязь. Палка с усилием входит в неё, но и выходит без особых проблем. Не такая уж ты хитрая. Сейчас обойду тебя, и привет.

Я осторожно трогаю лужу ногой, совсем как в детстве. Грязь под слоем воды чуть раздается, но назад кроссовка не идёт. Странно, палка без проблем, а тут...

Я ещё сильнее тяну ногу – бесполезно. Та-ак, влип. Глупо-то как!

Кроссовку между тем явственно засасывает, несмотря на мои отчаянные потуги её вытащить. Э, да так и ногу засосёт. Ну-ка!

Я торопливо срываю липучку и вытаскиваю ногу. Кроссовка медленно уползает в жижу, чавкнув на прощание. И запасной пары в машине нет. Нет, Ирочка переоценила мои умственные способности. Я явно глупее Казбека – пёс в эту лужу не полез бы.

Подобрав найденную палку, я начинаю осторожно обходить ловушку, по широкой дуге. Это не так просто, лес тут густой, стволы деревьев чуть не срослись, да ещё густой валежник. Носок стремительно приходит в негодность, и вот уже пальцы торчат наружу.

Наконец я выбираюсь на дорогу. Становится легче, и я тут же забываю о досадной мелочи. Бодро ковыляю по дороге, и сердце поёт. Она моя! Вот вам! И что там было, я знать не желаю. Наш случай будет первым счастливым!

Вот и бревно-шлагбаум. Я фамильярно хлопаю его по шершавому боку. До скорого свидания, приятель!

Теперь, когда заклятье не действует, найти дорогу – раз плюнуть, я помню её наизусть. Подумать только, да я тут кружил раз сто, пока искал путь к моей Ирочке!

Постой, где же машина? Я озираюсь кругом. Вот тут была!

М-да. Банальный угон. Собственно, почему я вдруг решил, что тут, в глухом лесу, машина в безопасности, как на охраняемой стоянке? Дорога есть, значит, и люди ходят.

Однако даже этот довольно-таки несчастный случай не испортил мне настроения. Конечно, это не китайская кроссовка, ну и что с того? Да и хрен с ней, пусть подавятся! Ирочка моя, моя! И забирайте всё остальное!

Однако, надо как-то выбираться. Лапоть попробовать сплести, что ли?

– Ира, Ир... – неожиданно для себя самого позвал я вслух.

«Ау! Что случилось?» – раздался в голове безликий голос.

«Тут история дурацкая. Машину мою угнали. И башмак я утопил в вашей луже»

Шелестящий, бесплотный смех. Значит, и смех передаётся...

«С кем обычно приключаются дурацкие истории?»

«Да я и не отрицаю. Но выбираться мне как-то надо?»

«Сиди и не двигайся. Думаю, мне удастся тебя спасти. Какой твой размер?»

«Размер сорок два»

«Ждите ответа»

В моём мозгу всплывает картина – кот, залезший в валенок, только хвост торчит, безуспешно пытается выбраться. Смешно.

* * *

Я сидел уже добрых полтора часа. Конечно, я человек терпеливый, но уж больно комары тут кусачие. Очевидно, власть деда Иваныча на здешних комаров уже не распространялась.

Помощь пришла в неожиданной форме. Раздался шум мотора, и на лесной дороге появилась малиновая «шестёрка». Точно, моя машина!

Дверца открылась, и с водительского места выбрался дед Иваныч.

– Карета подана, значит. Прошу!

Понятно. Вот кто угонщик, оказывается.

– Да, пришлось передвинуть твою колымагу, тут ей не место. И проход загораживала, и угнать тоже могли. У нас хоть и глушь, а народ портится помалу.

Я направился к водительской двери, но дед и не подумал уступить мне место.

– Давай садись справа. Обратно едем. Поступила просьба и указание – доставить тебя на базу.

Чья просьба? Чьё указание?

Дед смотрит мне в лицо, явно пытаюсь передать какую-то мысль. Но в голове лишь неясное шуршание. Он шумно вздохнул.

– Ну правильно. Потому и едем. Телепат ты, значит, недоделанный, и надо тебя доделывать, раз уж так вышло.

Я больше не спрашиваю ни о чём. Сажусь, где велят. Поехали, телепат доделанный!

Дед утробно урчит.

– Обижается ещё. Да, парень, натворил ты делов! Объясняю, чтоб по порядку. Ирка тебя пробудила, значит, да только ты ведь кроме неё пока никого не слышишь. Да и ещё её-то далеко не слышишь. Так Маша тебя сделает полноценным, чтобы, значит, слышал и понимал всё. Это указание, значит, от Маши. А есть и просьба, от твоей Ирочки...

Да, от моей Ирочки. Так-то, дед.

Дед сопит, пытит.

– Нет, надо было-таки застрелить тебя, Рома, и самому мне потом застрелиться. Взял бы грех на душу, да с покойника какой спрос? Погубишь ты её теперь.

Нет! Теперь мы как раз будем жить, долго и счастливо. И если бы ты пристрелил меня тогда, ты сделал бы её несчастной.

Дед думает долго.

– Может, ты и прав.

* * *

Машина поворачивает в проход. Бревно со скрежетом взлетает – путь открыт. Мы едем назад, и я ещё раз увижу мою Ирочку. Славно получилось!

– Нет, Рома, не увидишь. Хитрющая девка. Улизнула на задание, значит, чтобы переждать, покуда первая волна пройдёт. И при этом с матерью договориться успела, насчёт тебя, олуха. И меня попросила – уж ты не дай пропасть моему Роме, значит, штиблеты ему одолжи. Возьми в бардачке, кстати...

Моему Роме. Внутри у меня горит, как от неразведённого спирта.

Мы проезжаем по знаменитой луже, как по мокрому асфальту.

– Ты чего сюда-то полез?

– Сдуру, дед. Любопытно стало, как работает.

– Вот засосало бы тебя по пояс, и стоял бы дурак дураком, покуда не вытащили.

Я только сейчас обратил внимание: замок зажигания вырван, и блокировка руля сломана. Молодец, дед...

– Да не учён я угонам. Как сумел, извиняй. Не мелочись.

Да, мне теперь не до мелочей.

А под колёсами уже колдовская дорога, покрытая плотной густой травой, как английский газон. Да, сейчас мне предстоит беседа с... будущей тёщей, ага. Я поёжился.

Дед ухмыляется в бороду.

– Правильно боишься, Рома. Добрая-то она добрая, а всё-таки межпланетный агент. Она в сорок втором восьмерых эсэсов уложила и предателя одного, да в сорок девятом трёх энкаведистов с осведомителем. Это только что я знаю.

Ну ни хрена себе!

Дед утробно смеётся.

– На неё теперь вся моя надежда, значит, что с Ирккой-то ничего худого не случиться. С такой тёщей не забалуешь.

Перед нами бесшумно распахиваются почерневшие ворота на бронзовых петлях, и дед, не останавливаясь, въезжает во двор.

– Ну давай, Рома. Ни пуха тебе. Насчёт останков своих не беспокойся, захороним в лучшем виде.

* * *

– Здравствуй, Роман. Присаживайся.

– Здравствуйте...

Впервые я видел одетого ангела. Доктор Маша была одета в тёмно-зелёную одежду, напоминающую комбинезон. Причём крылья были одеты в какие-то полупрозрачные чехлы, что-то вроде тончайшей кисеи. На голове шапочка, на руках перчатки.

Она стянула перчатки, потом шапочку, тряхнула золотистыми кудрявыми волосами – кудряшки рассыпались. Девчонка-малолетка, и это в сто с лишним лет. И невозможно представить, что это мать моей Ирочки, инопланетный агент с довоенным стажем.

– Я хотела бы понять кое-что. Для начала посмотри мне в глаза.

Да, дед не врал. Одного взгляда в эти глаза было достаточно, чтобы развеять всякие сомнения – восемь эсэсовцев для неё далеко не предел.

Но я твёрдо выдержал её взгляд. Делайте со мной что хотите, но я не могу жить без неё. Без вашей дочери Ирочки. В чём моя вина? Ну убейте меня, если уверены, что моей Ирочке – у неё дрогнули веки – да, моей! Если ей будет лучше. Только ведь ей без меня не будет лучше, разве нет?

Взгляд доктора Маши утратил прожигающую силу, и со дна огромных глаз всплыла, за клубилась мудрая печаль. Она села в кресло по-турецки, вялым движением стащила с ног бахилы, пошевелила пальцами узких ступней.

– Никто тебя не винит, и убивать не собирается. И памяти лишать тебя уже бесполезно, это будет бессмысленная жестокость. Всё равно процесс стал двусторонне-необратимым. У нас любовь священна. Всё, что я могу – попытаться предотвратить трагические последствия.

– Да почему непременно трагические?! – не выдержал я.

– Да потому! Такая, как у вас, любовь между представителями разных видов разумных – исключительная редкость, и ни разу, понимаешь ты, ни разу не заканчивалась хорошо. Всегда трагически.

Ну что ей ответить? Что и среди обычных людей трагедии происходят ежечасно, и огромное большинство людей умирают, так и не узнав, не увидев настоящего счастья. Трагический конец, говорите? Да ведь всему на свете приходит конец, рано или поздно. Но перед концом бывают ещё начало и середина, и у нас уже есть счастливое начало, и будет счастливое продолжение. Будет!

Доктор Маша смотрит внимательно, задумчиво.

– Ну что же, по крайней мере, мыслишь ты верно. Только ведь середина часто бывает очень короткой. Кажется, только что всё началось – и уже конец.

Я смотрел ей в глаза и не боялся. Нечего мне бояться, я не эсэсовец. Я хочу счастья для вашей дочери, для моей Ирочки. Я постараюсь изо всех сил, чтобы наше счастье длилось как

можно дольше. Я не знаю, как это будет, но это будет. А для этого прежде всего нам надо быть вместе. А дальше покажет бой.

Она чуть улыбается, и в глазах появилось то непередаваемо-ласковое выражение, которое я видел сегодня утром у Ирочки. Нет, не совсем такое – мудрее и грустнее.

– Ладно. Собственно, точно такие же понятия изобразила мне сегодня утром Иолла – мы беседовали глубоко, и не одними словами. Но общий смысл тот же.

Она начала снимать с себя комбинезон (я уже догадался, что это хирургическое одеяние), растёгивая многочисленные застёжки-липучки. Неудобно всё-таки с крыльями.

– И всё-таки я хотела бы прояснить. Женщина должна иметь детей, растить их, воспитывать – таков главный закон жизни везде, и у нас, и у вас тоже. И должно быть общее дело. Поверь, без этого счастья не бывает. Невозможно жить только тем, что смотреть в глаза друг другу, если нет ничего больше, рано или поздно смотреть станет нечего. Плюс физиология – тебе известно, что особи разного пола обычно кое-чем занимаются, кроме рассматривания глаз? Как ты себе всё это представляешь?

А вот это уже вопросы медицины, дорогая доктор Маша. Или биологии? Вы специалист, вам виднее.

Она вдруг коротко рассмеялась.

– Нет, я сплю. Так же не бывает! Как же это?

Я понимаю вас, дорогая доктор Маша. Очень хорошо понимаю. Только это случилось. Сумасшествие – болезнь заразная.

– Ну что же, как врач, я обязана попытаться помочь самым безнадёжным больным. Иди сюда, – она указала на низенькую кушетку, двумя стойками вросшую в пол. – Не надо раздеваться, это не витализатор. Обувь тольконими.

Она приподняла бровь – совсем как Ирочка – и кушетка мгновенно трансформировалась в некое подобие зубоврачебного кресла.

– Глотай не жуя, – она протянула мне блестящий шарик. Я послушно проглотил – увесистый, точь-в-точь шарик от подшипника. Шарик ощутимо тяжело лёг в желудке.

– Теперь садись.

Я послушно сел. Доктор Маша села рядом, разминая руки, встряхивая пальцами.

– А как мать, я очень хочу, чтобы ваш случай стал исключением из правил. И помогу тебе во всём, раз так вышло. Вы же не оставили мне выбора. Но только очень тебя прошу – сделай её счастливой. Иначе ты её убьёшь.

Она приблизила свои глаза к моим. Взяла мою голову в твёрдые, горячие ладони.

– И тогда позавидуешь тем эсэсовцам. Веришь?

Ещё бы не верить!

* * *

Красные, зелёные, жёлтые тени причудливо переплетались, плавали перед глазами. Яркий солнечный свет пронизывал мою голову насквозь, собираясь внутри в упругий, тёплый, пушистый шар. На этот раз шар перекачивался в голове быстро и уверенно, точно громадная ртутная капля.

Яркая вспышка света! Певучие, щебечущие голоса перекликаются, спорят. Я не вижу спорщиков, но знаю – это Мауна (я знаю её полное имя, но не могу произнести) и Иолла (тоже знаю полное имя) спорят не на жизнь, а на смерть. И я понимаю язык. Более того, я вижу и понимаю мыслеобразы, роящиеся в двух головах сразу. Мозги мои трещат с непривычки, но я стараюсь не пропустить ни слова.

«...Абориген с отсталой планеты, представитель иного вида, существо с чуждой физиологией – подумай же наконец! Он же питается трупами животных и рыб!»

«Я тоже могу питаться трупами, и даже сырыми. На курсах выживания нас этому учили»

«Не юродствуй!!! Ты собираешься вместе с ним бороться за выживание, вместо того, чтобы жить?! Будешь сидеть на насесте в ку...курятнике?!»

«Ну зачем так? У людей есть мягкие и удобные диваны, кровати разные»

«А ты знаешь, чем он занимается? Он обслуживает автомобили, да, вот эти первобытные механизмы. Возможно, у него даже нет дивана»

«У него есть диван, большой и мягкий, я подсмотрела у него в голове. И живёт он не в... да, в курятнике. Большой ячеистый дом, и его ячейка на верхнем этаже. С балконом. И небо над головой. Представляешь, как удобно будет взлетать!»

«Нет, ты серьёзно?! И чем же вы будете заниматься? Он с утра до вечера будет чинить эти древние механизмы, а ты летать и резвиться в восходящих потоках? А вечерами на пару есть варёное мясо? А по ночам вы будете заниматься межвидовым сексом?!»

«Кстати, почему нет? Я видела вблизи – ничего страшного, практически всё как у нас, ну может, чуть побольше. Только зачем-то мех»

«Ты...Ты...Дура! Дура!! Какая дура!!! Нет, это я дура. Ну зачем я тогда вылезла? Надо было стереть им всем память, ничего страшного, и жили бы дальше. Все были бы живы и счастливы»

«Не надо, мама. Может, и были бы живы, но мы двое не были бы счастливы точно»

«А так будете?!»

«Да, мама. Какое-то время – да»

Молчание, долгое, переслоённое бессильным отчаянием с одной стороны, и спокойной уверенностью с другой.

«Нет, тебя надо лечить. Эвакуировать срочно»

«Не обманывай себя, мама. От такого невозможно вылечить, можно только искалечить. И давай не будем. Лучше помоги мне»

«Как?! Как и чем можно помочь такой дуре?!»

В моём мозгу возникает видение – Ирочка на глазах растёт, вытягивается, крылья уменьшаются и засыхают. Опадают перья, крылья превращаются в розовые култышки, которые постепенно вытягиваются в спину, и вот уже остаются только бугорки. Всё. Спина гладкая, крыльев как не было.

«Я стану биоморфом, мама. Превращусь в человека»

Новый взрыв отчаяния.

«Доченька, ну зачем? Я тоже люблю людей, очень люблю. Я всю жизнь за них положила. Но зачем самой становиться человеком? Ну вот люди любят своих животных, собак например, но ведь никто не становится собакой?»

«А я и не собираюсь становиться собакой. Я буду разумной, только иной – всего и делов»

«Да зачем?!»

«А зачем она стала Жанной Д'Арк?»

«Это совсем другое дело, Это чрезвычайная жертва. Тогда речь шла о судьбе миллионов, о судьбе всего нашего дела, иначе не удалось бы переломить ужас средневековья. Эта жертва для спасения других. А для чего твоя?»

«Для того же самого. Разве что спасу я не миллионы, а одного. Нет, мама, двоих – и себя тоже. И вас с папой – легко ли вам будет каждый день видеть мой ходячий труп?»

Захлёбывающийся плач.

«Я знала, что добро часто наказуемо. Но чтобы так?!»

В моём мозгу видение: Ирочка обнимает горько плачущую мать спереди руками, и крылья обхватывают её поверх, закрывая обоих, как плащом. Я почему-то знаю – именно так обнимают ангелы своих детей.

«Ты поможешь мне, мама?»

Новый взрыв эмоций.

«Чтобы я своими руками – свою собственную дочь?!!»

«Ну а кто больше? К кому мне ещё обращаться? Да и боюсь я, признаться, такого дела. Нет, лучше тебя никто не сможет, ты же заинтересованное лицо»

«Я... в этом... заинтересованное лицо?!!»

«И не убивайся так. Сейчас не средние века, и на костёр меня никто не потащит. Да и вытащите вы меня, если что. Ведь сейчас Жанну спасли бы?»

«Наверно... Телепортировались бы и вытащили... Да и тогда бы спасли, если бы не костёр. Да и быстро всё произошло, плюс роковое стечение обстоятельств».

«Ну вот. Не так со мной всё ужасно, правда. И ещё одно, мама. Как думаешь, можно биоморфу сохранить репродуктивные функции? Это важно»

«Не знаю. Никто не работал над этим, зачем?»

«Ну а всё-таки?»

«Думаю, можно. Не так это трудно. Слушай, ты что, ещё и собираешься рожать человеческих детей?!»

«А каких же? Пойми, мама, я же не год-два с ним прожить собираюсь – десятки лет. Что мне, всё это время жить без детей? Я же зачакну. И ему плохо будет»

Снова рыдающий плач.

«Мои... внуки... за что, за что?!!»

«Ну успокойся, мама. У тебя уже есть внуки, наши. Теперь будут человеческие»

«Почему, ну почему ты такая дура?! Нет, ты не дура, я знаю. Но почему?»

«Мама, они же не животные, они разумные, как и мы. Ты сама это говорила тысячи раз. И ты была права»

Пауза. Буквально рвущаяся на куски, так силён накал эмоций. И всё же где-то на краю сознания возникает ощущение – ураган стихает, выдыхается.

«Доченька... а нельзя избежать?»

«Зачем, мама? Для полного счастья всегда необходимы дети, ты же знаешь. Успокойся, они вырастут свободными и счастливыми членами общества. Да, именно так. Мы будем их учить и воспитывать»

Мама всхлипывает, затихая – сил больше нет. И я странным образом ощущаю это в своём странном полусне-полубреду.

«И вы вместе отправитесь в первый полёт. Без крыльев. С балкона, с десятого этажа»

«Нет, мама, он будет катать их на спине»

Пауза, переслоённая массой сложных, быстро сменяющихся эмоций.

«Ещё вопрос, дочка. Как тебе известно, люди живут недолго. Ну пусть даже я вмешаюсь – сто лет, от силы сто десять. Из них сорок-пятьдесят он будет старым человеком, как дед Иваныч. И ты будешь стареть, пусть и не так быстро, так как нарушишь генно-физиологическую защиту. Сморщенная кожа, нарушение репродукции и куча других проблем. А потом он умрёт, и ты останешься одна. Об этом ты думала?»

«Думала, мама, хоть это и неприятно. Ну что же, всему на свете приходит конец»

«Но ты могла бы прожить ещё сотни лет! Триста, четыреста! Как можно уходить в самом расцвете, толком не пожив?»

«А кто собирается уходить? Я проживу с ним довольно долгую человеческую жизнь, исчерпав любовь до донышка. А когда он умрёт, старый, усталый и счастливый – что же, может, я и начну другую жизнь. Ведь можно вернуться назад из состояния биоморфа?»

«Вот как... Да, можно. Сейчас уже можно»

«Ну вот видишь! Да, когда-нибудь и наша любовь умрёт – вместе в нём. Но это же совсем другое, нежели убить нашу любовь сейчас»

Отчаяние сменяется спокойствием обречённости.

«Я не прошу тебя ещё раз подумать – думать ты, похоже, уже не в состоянии. Но подождать ты можешь? Не торопись опуститься на землю навсегда»

«Я мыслю ясно, как никогда, мама. И я не собираюсь опускаться. Я собираюсь его поднять. Да, придётся подождать, хоть мне и трудно. Только знай, мама – если это дело сорвётся, я сама призову свою смерть. Ну, может, не сразу, чуть потрепыхаюсь»

Пауза. Долгая, долгая пауза.

«Чего ты в нём нашла?»

Долгий, счастливый смех. Я узнал бы его не то что в гипнотическом полусне – в могиле. Так может смеяться только моя Ирочка.

«Не знаю, мама. Не могу объяснить. Я просто жертва обстоятельств, только я такая жертва, что обстоятельствам придётся туго»

* * *

«Просыпайся уже!»

Я открываю глаза. Передо мной лицо доктора Маши – маленькие губы плотно сжаты, глаза смотрят в упор. Я сразу замечаю ряд изменений – глаза светятся как-то не так. А, вот оно что – я вижу теперь и тепловое излучение. Да, и сквозь тонкую кожу смутно проглядывают светящиеся жилки. Я перевожу взгляд ниже – на груди у неё пульсирует смутное пятно. Сердце. Да, к этому надо привыкнуть.

Но главное не это. В голове у меня полный сумбур, шелестят, кружатся обрывки мыслей. Чужих мыслей. Я вижу лёгкое нетерпение доктора Маши – а, к чертям, моей тёщи! – и умиротворённый сон деда Иваныча.

«Значит, тёщи?» – глаза, как прицелы. Я утвердительно киваю.

– Ну ты и наглец! – она откинулась назад, рассмеялась своим изумительным бархатным контральто. – Как вам обоим везёт, что Уэфа здесь нет. Всё, свободен! Процедура закончена.

Я торопливо сползаю с кресла и, пошатываясь, бреду к двери. Насыщенный день сегодня.

– Штиблеты не забудь, и спасибо!

– Спасибо, мама Маша!

– На здоровье, сынок! Я же заинтересованное лицо. Кому нужен глухой зять?

– До свидания!

– Теперь уже да. Куда деваться?

Я ныряю в люк, привычно стучаюсь макушкой. Шиплю от боли.

«Ты всё понял, что я тебе показала?»

«Всё. Правда всё. Только не обижайтесь – ничего нового для себя я не узнал. Она моя. Я её. Остальное мелкие детали»

«Ну-ну»

* * *

– А, Рома! Гляди-ка, живой! Неужто сумел отбиться?

Дед Иваныч сладко потягивается. Выходит из машины, пересаживается на кресло справа.

– Уступаю, значит, место законному владельцу. Поехали.

Понимание приходит в виде сложного образа – я должен сам научиться управлять ловушкой и шлагбаумом.

– Точно, Рома. Теперь, похоже, ты сюда зачастишь, так что давай без провожатых обходись отныне.

Я долго вожусь с разломанным замком, никак не могу завести мотор. Ну, дед...

Наконец мотор завёлся, и мы тронулись со двора. Ворота бесшумно и плавно распахнулись перед нами, пропустили и тут же сошлись снова.

Дорога-газон сменяется обычной лесной дорогой, и вот уже впереди блестит вода.

«Так, Рома, напрягись» – улавливаю я бесплотную мысль деда. Интересно, как это я понимаю, чья мысль?

«Не отвлекайся. Представляй мокрый асфальт»

Я представил, что мы едем по мокрому, после летнего ливня, асфальту. Машина въехала на асфальт, разбрызгивая воду. Здорово! А где же густая, липкая грязь?

Машина тут же рывком осела, будто проломив тонкую корку льда, заюлила и снова выскочила на твёрдый асфальт.

– Олух и есть. Не думай ни о чём, только об мокром асфальте!

Лужа наконец кончилась, машина выскочила на лесную дорогу.

– Стоп, парень! Давай задний ход. Учись, покуда со мной, а то в другой раз завязнешь насмерть. Будем, значит, кататься, покуда не освоишь.

* * *

«Шестёрка» резво бежит по асфальту, подпрыгивая на колдобинах, и мне кажется, она разделяет мою радость. Мотор пел, ветер пел, и сердце моё пело.

Солнце неудержимо заваливалось на запад, длинные тени пересекали дорогу. Надо же, уже вечер. Нет, наконец-то вечер. Какой день! Как год. И я с утра не видел Ирочки.

Мне вдруг страшно захотелось увидеть мою Ирочку. Или хотя бы услышать.

Да, я же теперь полноценный телепат? Проверим!

«Ира, Ир...»

«Ау! Что случилось, любимый? Второй башмак потерял?»

«Проверка связи. Ты далеко?»

Бесплотный смешок.

«Служебная тайна»

«Представь чего-нибудь»

В мозгу немедленно всплывает образ кота, жмурящегося от удовольствия.

«Не отвлекай по пустякам, я работаю. Кстати, проверяют не так. Работай с посторонними»

С какими посторонними? Кто посторонний? Дед Иваныч посторонний? Или, может, доктор – нет, нет, мама Маша посторонняя? Ау, мама Маша, где вы?

«Здесь мама Маша, если так угодно» – всплывает в голове бесплотный, безликий голос. – «Что-нибудь умное скажешь?»

Я слегка опешил.

«Простите... вырвалось... Всё в порядке, проверка связи»

Шелестящий смешок.

«В следующий раз, когда будешь баловаться, называй меня на «ты», обращение во множественном числе дезориентирует. И представляйся сам. Ладно, пусть для тебя я буду мама Маша. Отбой связи»

Та-ак. Это что же, телепатия навроде сотового телефона работает? А ну-ка!

«Дед, а дед...»

«Здесь Дымов. Ты, что ли, Рома? Представляться надо»

«Я же неучёный. Просвети, Пётр Иваныч»

«То-то. Ладно, делаешь так – когда вызываешь, представь лицо, значит, и позови, тогда будет вызов. А поодинке эти вещи не действуют, и слава богу, а то такой олух, как ты, и спать

бы не дал никому. И Ирке в первую голову. Да, и представляйся всегда, значит, голос-то бес-плотный трудно понять, чей. Ещё вопросы есть?»

«Есть, Иваныч. Как мыслеобразы эти передавать?»

Передо мной немедленно возник мыслеобраз: чья-то голая задница с прилипшим банным листом. Понятней некуда.

«Вот так, представляешь явственно во время разговора, и всё. Рома, навыки надо набирать на посторонних, тех, значит, кто телепатией не владеет. Приедешь домой, и айда, в Москве народу много, читай мысли направо-налево. Всё у тебя?»

«Спасибо тебе, Иваныч, выручил»

«Бывай здоров. Ночами только без дела не буди, я засыпаю трудно»

Вот оно что. Вот, значит, каких посторонних имела в виду Ирочка. Понятно.

* * *

Ну наконец-то я добрался до своего логова. Сейчас в душ – и спать! И есть не буду – во-первых, некогда, во-вторых, нечего – уезжая, я почистил и отключил холодильник. И спать хочется зверски.

Ключ проворачивается в замке, дверь с лёгким скрипом открывается. В квартире темно, я не включаю света в прихожей, скидываю дарёные дедовы штиблеты и прохожу в комнату. Щёлкает выключатель.

– Ау! Привет, любимый!

Я ошалело таращусь на Ирочку, сидящую на краю дивана. Нет, не может быть!

Меня охватывает буйная радость. Значит, она в Москве. Ну конечно! Она прилетела раньше меня, проникла в квартиру и ждёт меня. Неужели наврала про задание?

Она огорчённо качает головой:

– Как всё-таки ты безобразен. Нет, не внешне. Ты почему так плохо подумал обо мне? Я никогда ещё не лгала родным и близким, да у нас это и невозможно. Сейчас же обними меня, пока я не обиделась!

Я широко шагаю к ней и крепко, порывисто обнимаю. Мои руки захватывают пустоту, и я валюсь сквозь неё на диван. Всакиваю.

Она смеётся. В моём мозгу возникает образ кота, разочарованно шарящего лапой в пустом горшке.

– А меня, значит, обманывать можно? Я, значит, не родной?

– Ты самый родной, и я больше не буду. Да тебя скоро и невозможно будет обмануть, ты уже улавливаешь эмоции. А это связь, Рома, и я сейчас на базе. Вернулась с задания. Поговорим?

Я смотрел на неё, любуясь. Золотистые кудряшки растрепались. Обросла, и от этого стала ещё красивее. Сидит, склонив голову чуть набок, ноги сложены по-турецки, локти упёрты в колени, и маленький острый подбородок утонул в сплетении тонких пальцев. Крылья сложены за спиной, и она даже не пробует прикрыться. Зачем? Я знаю её тысячу лет. Моя, моя!

– Я удрала утром, вовремя подвернулось одно дело. Мама должна была перекипеть. Очень удачно, что папы нет. Мне было бы много труднее.

Я вдруг ощутил настоящий страх. Запоздалый, как эхо взрыва. Папа вернётся и скажет твёрдое «нет». Не отдаст. Не отпустит. Не позволит Ирочке связать свою судьбу с дикарём, нет, хуже – хищным зверем. Присмотрит меры. Да плевать, в конце концов, что будет со мной – что будет с ней?

«Успокойся. Мама перевела тебе наш разговор, я знаю. Чтобы ты понял – сломать мою судьбу можешь только ты»

Меня охватывает такой прилив нежности, что я перестаю дышать.

– А хищничать ты будешь только в моё отсутствие, – она смеётся, – я тебя буду кормить молоком, сыром и яичницей. Знаю, знаю, ты мечтаешь сейчас о расчленённых трупах животных.

– Я всеядный, правда. Согласен на сыр и яичницу. И на молоко. Я голодный, и дома шаром покати.

Она вдруг настораживается, протягивает руку в пустоту перед собой. Рука почти по локоть исчезает, словно обрезанная невидимым кругом. Наверное, перед ней какой-то пульт, не входящий в объём передаваемого изображения.

– Извини, Рома, потороплюсь. Хорошо, что ты знаешь наш с мамой разговор. Я приду к тебе, приду, но не так скоро. Месяц, два, может, три – мне надо закончить работу, и потом ещё больше месяца из меня будут делать... твою женщину.

Она вдруг отчаянно посмотрела на меня, и в глазах её стояли слёзы. Я перепугался.

– Что, что? Неужели это так опасно? Родная моя, не пугай!

– Нет, Рома, ты не понимаешь. Стать бескрылой, навсегда. Ну почти навсегда.

– Маленькая моя!!!

Чем, ну чем я мог её утешить? Я готов был вырвать из груди сердце, только бы ей стало чуть легче.

Она рассмеялась, смахнула слёзы.

– Вот мне и легче, правда. Нет, Рома, мне мало сердца. Мне нужен ты целиком.

В её глазах опять прыгали искорки смеха.

– Ты купишь мне дельтаплан?

– Маленькая моя... Бедная...

И даже обнять её я не могу.

– Ладно. Без крыльев я смогу, Рома, а вот без тебя – нет.

Мы молчим, и меня душит нежность.

Она вдруг фыркает, смеётся в голос.

– Ничего, скоро я стану большой. Ты хочешь большую и мягкую женщину, Рома?

Я молчу.

«Неужели ты не понимаешь? Я хочу тебя, саму тебя, как бы ты не выглядела. Правда»

Она смотрит мягко, нежно, как тогда, утром.

«Я знаю. И всё-таки, имея возможность выбрать, глупо отказываться»

«Я приму тебя любой»

Она в раздумье. Закусила нижнюю губку, тряхнула кудряшками.

– Ладно. Беру командование на себя.

* * *

Вот уже вторую неделю я живу странной, двойной жизнью. Днём я слоняюсь по московским улицам, всматриваясь в мысли множества прохожих. Нарабатываю навык.

Господи, чего только не роится в головах людей! Поначалу я просто оглох и ослеп от наплыва мыслеобразов множества людей, толпы, заполняющей московские улицы. Это выглядело так, будто смотришь кино, где сумасшедший киномеханик запустил сразу десятки киноаппаратов, заряженных кусками лент – сюжетов из разных фильмов. Ничего невозможно разобрать!

Лишь постепенно я начал выделять из хаоса мыслей отдельные связанные отрывки. Вскоре я понял, что надо сосредоточиться на ком-то одном, ведя его глазами и мыслью. Дальше пошло легче. Как езда на велосипеде – стоит только научиться держаться в седле, а дальше мозг сам запомнит, что и как надо делать.

Хуже было с эмоциями. Эмоции у обитателей нашей славной столицы явно преобладали над связными мыслями, часто просто забывая всякую способность мыслить. Оно понятно – жизнь давит, прессует, и на работе нелады, и дома проблемы, инфляция, мафия, коррупция – да мало ли отмазок у человека, не желающего понять, кто он на белом свете, сесть и подумать – зачем это всё?

«...Маринка, сука, так и рвёт за карман. Не баба – акула, ей-богу. И развестись сейчас никак нельзя – тесть сидит в кадрах, он и с директором вась-вась, нагадит, вся карьера псу под хвост...»

«...Да, если Данилов пролезет, всем нам крышка, и тему прикроют. Надо препятствовать, подключить старика, пусть поколышет мозгами...»

«...Хату брали они, это точно. Васька ещё не опросил жильцов, чего тянет? Ладно, пока этого сучонка от...здим, расколется. А может, и ту хату навесим им же...»

«...Ладно, Коленька, я это тебе так не оставляю. Нет, и чего он в ней нашёл? Швабра шваброй. Да нет, и шваброй её не возьмут – та хоть прямая, а у неё ноги кривые – смотреть страшно. И очки на пол-морды...»

На третий день я научился брать мысли людей, не видя их глазами. Это было не труднее, чем езда на велосипеде без рук – привычка брала своё.

Ещё немного погодя я начал различать ауру людей – размытые, переливающиеся прозрачные коконы. Они были разного цвета, и кроме того, в них вспыхивали сполохи сильных эмоций.

Дополняли ощущения инфракрасное и ультрафиолетовое зрение, стараниями доктора – нет, мамы Маши – приобретённое мной. Плюс я видел биение сердец, даже спрятанных под одеждой, такие размытые, пульсирующие пятна.

Я пока не знал, что мне делать с этим внезапно свалившимся на меня богатством ощущений. Да, я видел, но многое понять не мог. Все существа, в сущности, видят не глазами, а мозгом. Вот у совы зрение куда лучше человеческого, а толку? Всё, что может понять сова из бесконечного разнообразия и богатства окружающего мира – определить, где прячетсямышь.

Переполненный впечатлениями, я возвращался домой, падал на диван и какое-то время просто глубоко дышал, ни о чём не думая, пытаясь распрямить деформированные мозги. Чужая злоба давила особенно, и я иной раз даже промывал желудок, чтобы как-то избавиться от горькой кислятины, грозившей перекинуться на душу.

А потом у меня начиналась другая жизнь. Главная.

* * *

«Ау, любимый! Как ты?»

«Плохо. Мне без тебя плохо, понимаешь?»

Я ощущаю её эмоции – сострадание и нежность. Одновременно в мозгу всплывает образ: кот, уныло сидящий перед пустой миской.

«Ну потерпи. Я же терплю? Вот и ты терпи»

«Тебе хорошо, ты тренированный агент. Мясо сырое можешь есть. А я плохо переношу пытки»

«Я стараюсь, Рома, делаю всё, что могу. Ещё три дела добыю – так сказала? – и буду готовиться. Да, папа вернулся, и ты приготовься, будет визит»

Я чувствую некоторый мандраж, но того страха нет. Я верю моей Ирочке. Она сказала, что сломать нашу любовь можем только мы сами.

«Успокойся, папа очень умный, он считает на много ходов вперёд. Сказать по-правде, я больше боялась мамы»

«А как он нанесёт визит?»

«Я не знаю. Думаю, будет видеосвязь. А может, посетит во плоти – он такой»
«Мне оставить дверь балкона открытой? Или будет телепортация?»
Шелестящий, бесплотный смех.
«Ни о чём не беспокойся, папа сделает всё сам. Больно тебе не будет»

* * *

Я сидел на кухне, чистил картошку. Отпуск кончился, а я всё ещё не решил, как жить дальше. То есть главное я знал – мы с Ирочкой должны быть вместе, всегда вместе, и мы будем вместе. Но вот детали...

Я чувствовал, что не могу больше заниматься такой работой. Не буду. Не хочу тратить свою жизнь на обслуживание бездушных механизмов, когда кругом столько боли и зла. Я должен делать что-то для людей, помочь им избавиться от дерьма. Но как? Я не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.